

СМЕHA

13

1963

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВЕЛИКОЙ МОСТЫМ

Гигантский куб из стекла и бетона высятся над аркозеленой, по-загородному свежей листвою июльского парка. Здесь, неподалеку от центра Москвы, расположился Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Также в кабинетах на всех пяти этажах центрального корпуса. Слонились над рукописями философы, исследуют архивные документы историки, анализируют материалы экономисты.

В любом научном центре есть «передний край». В Институте марксизма-ленинизма этим парадигм край является сегодня отдача истории КПСС.

Год назад Центральный Комитет партии принял решение об издании многотомной «Истории КПСС». Это будет фундаментальный научный труд, подводящий итоги всей научно-исследовательской работы по истории партии. Шесть томов (двадцать книг) — таков объем издания, выпуск которого закончится к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

«История КПСС» даст глубокое научное обоснование всамарно-исторического опыта нашей партии и советского народа. Наполненная духом ленинских идей, построенная на марксистско-ленинском научном методе, она глубоко аргументированно и в то же время доступно и популярно покажет весь путь партии, всю прелесть марксизма-ленинизма, осязаемого умами и сердцами миллионов

и миллионов людей во всех частях света.

..В кабинете директора института только что закончилось заседание редакционной коллегии первого тома «Истории КПСС». Академик Петр Николаевич Поспелов рассказывает нам о подготовке этого тома к изданию:

— Особое место в «Истории КПСС» будет уделено Владимиру Ильичу Ленину как организатору и вождю, как основоположнику нашего государства, как великому мыслителю. Проследив его жизнь, «История КПСС» покажет значение великого ленинского наследия для сегодняшней деятельности нашей партии, международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов против гнета империализма и колониализма. Первый том «Истории КПСС» хронологически охватит период с 1883 по 1904 год. Но в нем найдет отражение и деятельность предшественников пролетарской партии в России, начиная с революционных демократов и революционных народников.

Наше следующее интервью — с заместителем руководителя редакции первого тома А. Ф. Костиним. Он говорит о новых документах, которые войдут в издание, об их поисках, о том, что впервые составлена подробнейшая хронология революционных событий, в которой день за днем пролегла история создания Коммунистической партии.

— Первый том, — рассказывает А. Ф. Костин, — будет богато иллюстрирован. В нем, в частности, мы предполагаем опубликовать впервые созданные карты-схемы. Большой интерес представляет схема русской организации «Искры» — газеты, подготавливавшей идейное и организационное объединение пролетарской партии нового типа. Карта-схема Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» отображает структуру этой замечательной организации, руководимой В. И. Лениным, наглядно показывая ее связь с фабриками и заводами.

За последнюю четверть века труды по истории партии, как правило, не иллюстрировались вообще. В шести томах будут помещены многочисленные фотокопии документов и фотографий. Здесь мы увидим снимки участников I съезда РСДРП, в работе которого принимали участие двадцать делегатов, фотографии двадцати

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

13

ИЮЛЬ
1963

Год издания союзовской

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНА

Из материалов первого тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» в шести томах, подготовляемой к изданию Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин), вступивший на арену общественно-политической деятельности в конце 80 — начале 90-х годов прошлого века, представлял новое поколение русских марксистов. Его мировоззрение формировалось в тот период, когда в освободительном движении России складывалось социал-демократическое направление. Вся обстановка революционной борьбы отличалась от условий в которых первое поколение русских социал-демократов а также Плехановым долго и мучительно исколо свой путь.

Капиталистические отношения в стране стали более зрелыми, классовая противоречивость обострилась. Марксистская идеология завоевала господствующее положение в западноевропейском рабочем движении и начала распространяться в России. Первые попытки применения теории марксизма к русской действительности, сделанные группой «Освобождение труда», облегчили революционной молодежи поиски верной дороги. Все это в значительной степени обусловило быстрое и последовательное становление Ленина как марксиста.

Важную роль в духовном развитии Ленина сыграла семья. Ленин родился 10(21) апреля 1870 года в Симбирске (ныне Ульяновск). Его отец Илья Николаевич Ульянов — инспектор (с 1874 года — директор) народных училищ губернии — был убежденным демократом, видевшим свой перевесный жизненный долг в служении народу. Много лет спустя Ленин рассказывал Иркутской, какое влияние на него, мальчика, имели рассказы отца о поездках по деревням, о тяжелом положении крестьянства, его «темоте»¹. Воспитанию молодых Ульяновых как будущих революционеров способствовало принятие в семье членом произведений русских писателей и критиков-демократов середины XIX века — революционных поэтов «Искры», Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова.

Особенностью духовного развития Ленина было раннее пробуждение в нем гражданского сознания, политические интересы. Как передает с его слов Кружская, в начале 80-х годов он уже стал внимательно вслушиваться во все политические разговоры², связанные с убийством народовольцами Александра II.

Почти так же рано Ленин порвал с религией. Для русских революционеров предшествовавших покаянный переход к атеизму был болезненным, сложным и совершался обычно уже в зрелом возрасте. Пример Владимира Ильича, вполне ядренный свидетельством многих его современников, показывает, что в 80-х годах революционная молодежь сравнительно быстро и легко кончала с верой в бога. Чтение атеистической литературы,

¹ Н. К. Кружская. О Ленине. М., Госполитиздат, 1956, стр. 83.
² Там же, стр. 30, см. также стр. 83.

особенно произведений Писарева, влияние старшего брата Александра содействовали освобождению юного Ленина от влияния религии³. Вслед за тем он встал перед вопросом о сущности общественных процессов. Реалистический подход к общественным явлениям, обусловленный в большой степени влиянием передовой русской литературы, а также исторических работ, в частности сочинений по истории французской революции, совпал со становлением Ленина как противника самодержавного деспотизма.

Казнь весной 1887 года А. И. Ульянова и его товарищей глубоко потрясла юного. Как в свое время подвиг героев-декабристов воодушевил юного Герцена на борьбу с самодержавием, так эта горькая утрата окончательно определила в сознании передовой интеллигенции России переценку коренных проблем освобождения,

особенно революционной молодежи. Однако истинный путь борьбы был еще не ясен. Ленин нашел его позже, осенью 1888 года, когда он обратился к марксизму.

Летом 1887 года Ленин поступил на юридический факультет Казанского университета. Здесь он впервые участвовал в политической деятельности. 4 декабря около 200 студентов собралось в актовом зале. На сходе была передана петиция ректору. В ней говорилось: «Собрано нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности...»⁴. Ленин был одним из инициаторов схода. Его видели на первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со слезами на глазах⁵. Лишь под угрозою вызова полиции и войск студенты покинули актов зал. Многие из них, в том числе Владимир Ильич, уходя, в знак протеста отдали свои студенческие билеты. Назавтра Ленин поддал ректору университета заявление с просьбой «издать» его из числа студентов⁶. А еще через день, 7 дека-

³ В анкете азербайджанской перепиши членов РКП(б) 1922 года на вопрос «Если Вы неверующий, то с какого возраста?» Ленин ответил: «С 16 лет» (цит. по журналу «Москва», 1957, № 7, стр. 105). Г. Кржижановский. Великий Ленин. М., Госполитиздат, 1956, стр. 20.
⁴ Н. К. Кружская. О Ленине, стр. 299.

⁵ «Красный архив», 1934, № 1(62), стр. 60.
⁶ А. И. Ульянов-Владимирова. Воспоминания об Ильиче.—Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. I, М., Госполитиздат, стр. 17—18.
⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 551.

ря, он был арестован и выслан в деревню Кошунью (Пашевский уезд, Казанской губернии). В Ленинском собрании в 1927 г. он был назван по имени. Наряду с университетскими курсами и художественной литературой он читал и перечитывал произведения, печатавшиеся в народнических журналах, как старых («Современник», «Сын Отечества»), так и новых («Русское богатство»), особенно интересуюсь статьями Михайловского. В центре его внимания в это время были работы Чернышевского, который почитался в то время как автор наиболее революционных взглядов, полемического талантом. Благодаря Чернышевскому Ленин познакомился с философским материализмом, узнал о роли Гегеля в развитии философской мысли, получил представление о диалектическом методе. Все это обогатило его впоследствии усвоение диалектики Маркса.

Пробыв в ссылке около года, Ленин в начале октября 1888 года вернулся в Казань. Здесь он в основном старался связать со студенческим движением, став участником одного из кружков, которые группировались вокруг Федосеева. Имевшиеся в кружке произведения научного характера легли в основу его выступлений в сложных вопросах русской действительности. Начался новый этап в формировании научно-революционных убеждений Ленина; он становится протестантом революционером и востановил Владимир Ильича рваный шнур и даже читал работы Маркса. Но только теперь Маркс осознается им как единственно верная теория революционной борьбы за социализм. Идея научного социализма Ленин получил от оптимизма веры в неизбежную победу пролетариата. К марксистскому учению он подошел не как книжник, а как человек, ищущий ответа на злободневные вопросы: каковы пути освобождения трудящихся? Что должны делать русские революционеры?

В. И. Ленин старался достать и прочесть все, что только возможно, из работ Маркса и Энгельса, в том числе «Манифест Коммунистической партии». С особым увлечением Ленин читал «Капитал». А. И. Ульянова-Елизарова вспоминала, как ввиду уважения в ту осень (1888 год) рассказывал ей Ленин об основах теории Маркса и тех новых сферах, которые она открывала. «От него так и веяло бурной верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда умея убедить и увлечь свои слова. И тогда не умел он, излагая, излагая новую теорию, не делить с этим с другими, не завербовать себе сторонников».

В мае 1889 года семья Ульяновых уехала из Казани. Отъезд спас Ленина от нового ареста. Владимир Ильич вспоминал потом: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где усталых в конце лета 1889 году арест Федосеева и других членов казанских кружков — между прочим того же года я принимал участие. Думаю, что много мог бы сделать, если бы остался тем летом в Казани»¹².

В 1889—1893 годах Ульянова жили в Самаре, где в то время находилось много революционных кружков, в том числе и политический. Несмотря на полицейскую слежку, Ленин завязал связи с самарскими подполье. Через М. П. Елизарова, мушкетера А. И. Ульянова, он познакомился с революционными деятелями: С. И. Силверстоном, П. С. Силверстоном, Молодой, но уже опытный революционер, Силверстоном так организовал работу конспиративных групп, что их участники занимались не только общими самообразованием, но и изучением отдельных экономических вопросов, экономики (в особенности крестьянской общины) и общественных движений (в частности сектантства). Центральный кружок Силверстоном имел значительную библиотеку.

Ленин начал знакомить кружковцев с учением Маркса, доказывал им обреченность выступлений одиночек-террористов, несостоятельность народнических доводов о самоизоляции рабочих и особая путь России к социализму. «В дни

крусских с Владимиром Ильичем, — вспоминал М. И. Семенов, — в первый раз с полной отчетливостью стали усваивать себе понятия «буржуазия», «пролетариат» и роль этих социальных категорий в развитии капиталистического строя, а также направление эволюции этого строя. Владимир начал выработать программу организации рабочего класса для сознательной классовой борьбы не только за улучшение экономических условий, но и за завоевание политической власти пролетариатом»¹³. Об основных предзнаменованиях основоположников марксизма («Манифест Коммунистической партии», «Ницшега философия» и др.) Ленин читал в кружке рефераты. Это имело тем большую ценность, что некоторые авторы и сочинения Маркса и Энгельса, еще не переведенные на русский язык, оставались недоступны большинству молодежи. Перевернутый Лениным «Манифест Коммунистической партии» не только ходил по кружкам в Самаре, но был известен в других городах Поволжья. С большим интересом изучались теперь в кружке издания группы «Освобождение труда», особенно «Социализм и политическая борьба» и «Наша разногласия» Плеханова.

В. И. Ленин вошел в контакт и со старыми сильными народниками¹⁴. Он горячо доказывал им ошибочность народнических идей и в то же время признавал, что не все можно было изменить усилиями торопливого заключения и способами сношения с властью, поведением революционеров во время политических процессов. Принципиальным отличием отставившего Лениным политическим не означало отрицания опыта предшествовавшего освободительного движения.

Целиком отдаваясь революционной деятельности, Ленин не оставлял надежды на получение высшего образования. В 1890 году он решил решено сдать экзамены экстерном. Для этого Владимир Ильич трижды ездил в Петербург (август 1890 года, весна и осень 1891 года), исполняя свои поездки и в революционных целях. В 1891 году у преподавателя Технологического института П. Ю. Яевина, лично знакомого с Энгельсом и Либнехтом, он достал марксистскую литературу, в том числе «Анти-Дюринг» и оставившие Лениным познания в нескольких номерах журналов германской социал-демократии¹⁵.

Получив университетский диплом [1892 год], Ленин в долговязе помощника присяжного поверенного начал вести дела в Самарском окружном суде¹⁶. Но не юриспруденция, а активная революционная деятельность влекла его.

Лучшей подготовкой к ней было изучение русской действительности. Материал для этого давали не только книги. Адвокатская практика, личное общение с крестьянами, рассказы Силверсто и Елизарова, хорошо знавших бы крестьянства, — все это еще и еще раз убеждало в том, что с рабочими и крестьянами его революционные взгляды могут быть связаны надежды на социалистический переворот. В это время Ленин обратился к изучению земской статистики, которая и началу 90-х годов находилась в богатейшем издательском материале. Появились немало исследований, основанных на этих материалах и принадлежавших авторам из лагеря либеральных народников. Последние пытались тенденциозно обрабатывать и группировать данные, выходящие из сухих «средних цифр» искажали действительную картину русской экономической жизни, делали неверные выводы о социально-экономическом лице деревни.

В. И. Ленин понял крайнюю необходимость более тщательной научной обработки земской статистики. Результатом ее глубокого изучения с позиций марксизма явился ряд статей и рефератов, которые представляли данные, выходящие из самарских кружковцам. Он подверг критике

столу анализу сочинения главы идеологов либерального лагеря в Самарской губернии В. Николая — она (Трудовская), Кривенко, статьи Михайловского, Груды Ленина начала 90-х годов легли в основу появившейся в 1894 году книги «Как такое «дурная народка» и как они могут против социал-демократии».

Первая из дошедших до нас литературных работ Ленина — статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» [1893 год], созданная на основе реферата о книге В. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». Постников доказывал, что крестьянский «мир» не существовал как единое целое, а распался на три группы с разным экономическим достоянием. Сопоставляя эти группы с данными о бытии как ходило из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе¹⁷, Ленин дал точную, классово определенную характеристику находил на трех групп крестьянского хозяйства. В статье говорится, что крестьяне самой небогатейшей группы — «более наемные рабочие, чем хозяева-земельщики, что положение крестьян средней группы, низших доходов от собственного посева, шатко, особенно ввиду существующей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней»¹⁸, что хозяйство наиболее богатых крестьян основано в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда¹⁹. Таких выводов из своего анализа выводов и оценки он объяснял дифференциацию деревни техницизмом, природными и другими несоциальными факторами. Ленин же, опираясь на приведенные в книге данные, установил, что эта дифференциация определяется классовым характером крестьянского хозяйства.

Комментируя выводы своей статьи о книге Постникова, Ленин писал: «Разложение наших сельских производителей (крестьян и кулаков) представляется мне основным и главным фактом, разъясняющим наш городской и крупный капитализм, разрушающим миф об особом укладе крестьянского хозяйства [это — такой же буржуазный уклад, тем лишь отличающийся, что гораздо более еще опутан феодальными путями] и заставляющим видеть в так называемых «рабочих» не небольшую кучку особо поставленных лиц, а только верхние слои той громадной массы крестьянства, которая сейчас уже живет более продвинутой своей рабочей силой, чем собственным хозяйством».

Такая оценка, в противовес отвлеченным народническим рассуждениям о судьбах капитализма в России Ленин показал, что только наличием капитализма и можно объяснить явления русской действительности.

Статьи и рефераты Ленина обсуждались не только в Самаре, но и в других городах, однако печатать их не удавалось. Даже сознательно приспособленная и условным цензурой статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» была отклонена редакция журнала «Русская мысль» как неподходящая к направлению²⁰.

Деятельность Ленина и его единомышленников настолько усилила влияние марксизма в самарском подполье, что в 1892 году центральный кружок Силверстоном распался на народников и марксистов. Из последних Ленин создал первый в Самаре марксистский кружок, его ядро составили В. И. Ленин, А. П. Силверсто и приглашенный в город весной 1893 года И. И. Лалакин. Помимо них, в кружок вошли В. А. Ионов, М. И. Лебедев, А. И. Кузнецов, М. И. Семенов, А. А. Беляков, А. И. Лукинских, А. И. Мещеряков. Раскол произошел и в других революционных кружках.

Самарский период Ленин считал началом своего участия в социальном движении. В деле делегатов X съезда партии на вопрос: «Принимали ли участие в революционном движении до 1917 года?» — он писал: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки с-д»²¹.

Уже в то время Ленин проявил глубокий интерес к европейскому, особенно немецкому, работам

¹ См. «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 133.
² А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче.— Воспоминания о Владимир Ильиче Ленине. Ч. 1, стр. 19—20.
³ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 33, стр. 414.
⁴ Список книг, имевшихся в библиотеке, см. в кн.: М. И. Семенов (М. Блан). Революцион-

ная Самара 80—90-х годов (воспоминания). Куйбышев, 1943, стр. 39—40.
⁵ См. В. Чубов. В. И. Ленин в Самаре. М. 1960, стр. 18—19, 27, 67.
⁶ См. А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ленин (И. Ленин), стр. 28; В. О. Ленин в Поволжье, стр. 104.
⁷ См. И. С. Итерак. Из деятельности В. И. Ленина в качестве защитника. «Советская юстиция», 1958, № 4.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 1, стр. 5.
⁹ Там же, стр. 52—53.
¹⁰ Там же, стр. 61.
¹¹ Ленинский сборник XXXIII, стр. 15—16.
¹² Там же, стр. 17.
¹³ Ленинский сборник XX, стр. 51.

челу движению. При отъезде В. А. Бухгольца в 1891 году из Самары в Берлин он настоячиво просил его возможно подробно писать ему о берлинском рабочем движении, о работе немецкой с.-д. партии, только что вышедшей из подполья на арену сравнительно свободной деятельности.²³ Бухголец написал из Берлина письмо, где подробно рассказал о праздновании берлинским пролетариатом 1 Мая 1891 года.²⁴

Самарские марксисты старались наладить

²³ См. «Летопись марксизма», 1926, кн. 1, стр. 82.

²⁴ См. там же.

связь с марксистами других городов. Ленин оживленно переписывался с Федосеевым, посылая ему свои статьи. Как вспоминает Владимир Ильич, переписка «касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения».²⁵ Ознакомившись с большой рукописью Федосеева о крестьянской реформе 1861 года, Ленин, по свидетельству Пятацкича, «отнесся очень одобрительно к ней, как к первой серьезной попытке выявить основные причины

отмены крепостного права с марксистской точки зрения».²⁶

Жизнь в провинциальной, купеческой Самаре со временем стала тяготить Владимира Ильича, стремившегося к активной революционной работе в среде развитого промышленного пролетариата. В августе 1893 года он выехал в Петербург, крупнейший центр рабочего движения России.

²⁵ Цит. по сб.: В. И. Ленин в Самаре, 1889—1893 (Сборник воспоминаний), М. 1933, стр. 52, примечание.

Со 2-й стр. обложки

Федор Николаевич Петров — один из старейших деятелей Коммунистической партии, член редколлегии первого тома «Истории КПСС». Он был участником многих революционных событий, о которых рассказывается в этой книге. Сестрина Федор Николаевич делится своими воспоминаниями с молодыми сотрудниками Института марксизма-ленинизма.

Библиотека института насчитывает много тысяч уникальных книг.

Фото Г. ДУБННСКОГО

«искровцев» — делегатов II съезда, и многие другие ранее не публиковавшиеся портреты русских революционеров.

Поиски таких материалов чрезвычайно сложны. Известно, например, что среди двадцати «искровцев» был делегат Уфы Герасим Михайлович Мишнев. Однако до сих пор не удалось разыскать его фотоснимка. Были поданы документы Центрального государственного архива Октябрьской революции, фотографии, доставшиеся «в наследство» от царской охраны, — снимка Мишнев не найден. Может, Мишнев значился под другой фамилией? Ведь у Герасима Михайловича были партийные клички Муравьев и Петузов. Научный сотрудник института В. М. Щербак разыскал в архивах охраны фотографии Андрея Кузьмина Муравьева и Николая Муравьева. До сих пор неизвестно, кто зафиксирован на этих снимках, имеют ли они какое-нибудь отношение к Мишневу. Предложение проходит тщательную проверку. Если оно не подтвердится, «Сны» будут продолжены.

Нет ли среди вас, читатели «Сны», родственников Герасима Михай-

ловича Мишнев? Может, в семейных фотографиях ваших дедов и прадедов как раз и находится разыскиваемый снимок!

А вот рассказ еще об одном поиске.

Как известно, в 1899 году группой экономистов (С. Н. Прокоповичем, Е. Д. Кусковой и др.) был выпущен манифест, получивший название «Кредо». В этом манифесте в наиболее открытой форме были изложены оппортунистические взгляды экономистов, выступавших с наглой клеветой на революционных марксистов и русских рабочих движение. «Экономисты» призывали отказаться от создания в России самостоятельной партии пролетариата, от выставления им своих политических требований.

Воской 1899 года, ознакомившись «Кредо», Владимир Ильич Ленин, будучи в то время в ссылке, собрал в селе Ермаковском, Минусинского округа, совещание находившихся поблизости политических сыльных марксистов. На совещании был обсужден и единогласно принят написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов», законченный «Кредо». Эта ленинская работа имела громадное значение для развития марксистской мысли и марксистской партии в России.

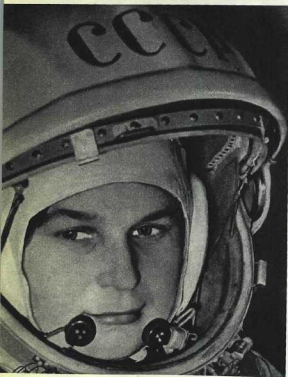
«Протест» подписали семнадцать социал-демократов. В. М. Щербак удалось довольно быстро собрать свидетельства фотографировать. Семнадцатого снимка — Доминики Васильевны Ваневской — не было. Поиски привели в Горький.

...Директор городского литературного музея, собирая материал о связях Алексея Максимовича Горького с нижегородским революционерами, натолкнулся на письма мужа Д. В. Ваневской. Эти письма были опубликованы в местной газете. А через несколько дней выяснилось, что и поныне в Горьком живут родственники Ваневых. В семейном альбоме сохранилось много известных ранее историкам фотографий. Снимок Доминики Васильевны попал в музей. Теперь он передан Институту марксизма-ленинизма.

Фотокопии документов, которые годятся и публикуются, хранятся в огромных альбомах. Вот странички ленинских рукописей, обложка «Дела о С.-Петербургском революционном оружье съезда Борьбы за освобождение рабочего класса. На 289 листах изложено это «Дело». А внизу на обложке надпись: «Окончено 31 января 1897 г.»

История посвящалась над этим «юношеном». Все ярче и ярче разгорались искры революционного движения, которое привело к исторической победе марксизма-ленинизма.

МОСКВА —

И в час, как только рассветает,
Планета древняя, смотри,
Как птица, «Чайка» пролетает
В разрывах утренней зари.

Смотрите, домны, терриконы,
Прожилки вспаханных борозд,
И голос Вали Терешковой
Ловите сердцем из-за звезд.

Я буду слушать позывные.
Тут, на Земле, приятна нам
Та весть, что дочери России
Под стать по смелости сынам.

Анатолий ЦЕРБАКОВ

Москва. Внуковский аэропорт.
22 июня 1963 года.

З Е М Л Я Н Е

В городке, где живут космонавты, простое и необычайное стоят рядом. Дома тут как дома, самые обыкновенные. Но что ни квартира, что ни жилище — то непременно человек, прикосновенный к покорению Вселенной.

Рабочие люди

Об этой камере знают все — от школьников до пенсионеров. Одни ее называют «плюсом молчания», другие — «камерой тишины», третьи... Сколько людей, столько названий. Есть среди космонавтов такой, кто первым перешагнул порог сурдокамеры. Это Валерий Быковский. Он вошел туда с маленьким спортивным чемоданчиком, с каким ходит на работу, ездят на стадионы. Но на этот раз в чемодане лежали книги, инструменты для поделок. Человек шел на испытание, шел на встречу неведомому с злым багажом. Десять дней шли испытания, и за это время Валерий Быковский успел вспомнить все, что мастерили его руки с мальчишеских лет до того дня, когда он попал в отряд космонавтов. Он клеил, рисовал, читал — работал. Ни одной праздной минуты, кроме отдыха, не было у Валерия Быковского.

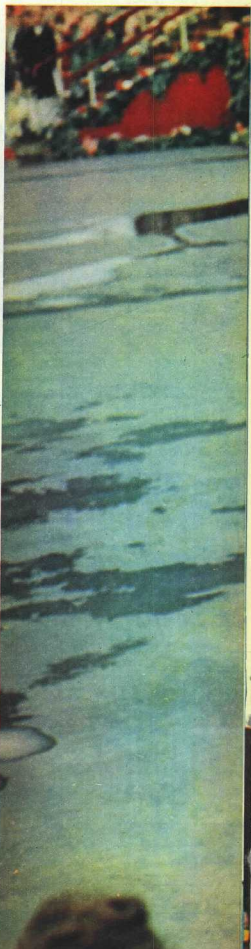
Сурдокамера? Здесь побывает всякий, кто приписан к легендарному пламени покорителей космоса. Некоторое время назад вошла сюда и девушка. Вошла не для того, чтобы поправить при-

боры и приготовить все для приема нового космонавта. Нет, она пришла сюда, как раньше в ткацкий цех, — работать, стала тут настоящей хозяйкой. То была Валентина Терешкова. Та, кто наблюдал ее тогда, видел, что и она не сидела там без дела: вышивала, писала письма. Валерий Быковский, первым перенесший испытание тишины, отмечал, что оно немного раздражает. А Валентина, первая из девушек-космонавтов вошедшая в сурдокамеру, сразу осознала с необычными проблемами и сигналами. Сказалась проверенная годами привычка рабочего человека быстро схватывать новое.

Отравляясь на длительное время от товарищей, не общаясь с внешним миром, Космонавт-5 и Космонавт-6 знали, что их ждут, что в них верят. Они ни на минуту не сомневались, что их позвет в космос — общеве, нужное всем людям дело.

— За час до окончания первых испытаний тишины, которые проходил Валерий Быковский, его друзья собрались в лаборатории, чтобы встретить товарища. И вот беззвучно отвалился пласт дверей сурдокамеры. Валерий перешагнул высокой металлической пороги и в ответ на приветствия товарищей крикнул во весь дух:

— Ох, и шумно у вас тут, братцы!
То была разрядка. Лукаво подмигнув товарищам и поглядя на охладительную борозду, Валерий спросил:

КОСМОС — МОСКВА

— Где у вас тут космос бреют?

Шутка поправилась всем. Работал! Многочисленные упражнения на батуте, на лонгине, на гимнастическом козле, прыжки с парашютом в любое время года, на воду, в снег...

Нужно уметь работать в любых условиях — таков девиз всех космонавтов. И нет ничего удивительного в том, что Юрий Гагарин и Герман Титов, Андриян Николаев и Павел Попович, Валентина Терешкова и Валерий Быковский — все, кто уже побывал в космосе, говорили во время, до и после полетов: «Начал работать. Работую хорошо. Приступил к работе!»

Запах земли и пятый океан

Когда Валерий Быковский еще учился в аэроклубе, он любил сидеть на краю летного поля и слушать моторы. Да, именно слушать. У моторов разные голоса, разные песни. И они всегда дороги тому, кто понял главное: человек, раз по-настоящему пришедший в пятый океан — бездонный океан неба, никогда от него не уйдет. Мир рукопашец Космонавту-5. А он в эти дни вспоминал, как впервые сам взлетел в небо и почувствовал, что крылья стали продолжением рук, а мотор стал вторым сердцем. Сравнение не случайное, и сделало оно не для красоты. Быковский относился к той породе летчиков, которая умеет воедино сплестись с машиной. Эти замечательные качества Валерия сказались в замидонном полете, куда он попал после окончания Качинского военного авиационного училища. До сих пор у взлетной полосы в родном полку Валерия стоит «спарка», на которой он совершил вместе с одним из своих командиров, Владимиром Федоровичем Рыбалко, первые ночные полеты. С радостью узнал Рыбалко, что его воспитанник стал космонавтом. Он одобрилительно сказал о Валерии Быковском:

— Он в воздухе — дома. Владимир Федорович поведет мне примечательную историю о том истинном призвании, которое всегда ведет человека вперед.

...Шли обычные тренировочные полеты. В звене с Рыбалко в воздух поднялись Валерий и еще один летчик. В зоне полета оказалась плотная облачность. Пробили ее. Над головой — новый слой, а между ними широкая просвет голубого неба. Приняли решение лететь вдоль этого просвета, но он оказался очень коротким. Впереди маячила сплошная глыба облаков. Машины возникли в нее. Быковский, держась рядом с Владимиром Федоровичем, спокойно вел свою машину. Сказывалось великодушное, редкое качество Валерия: он умеет одновременно управлять машиной, следить за приборами и принимать из всех возможных решений самое безошибочное. А другой пилот растерялся, потерял ориентировку. Рыбалко и Быковский не оставили товарища, вывели его машину на посадку. Но сам пилот навсегда оставил небо. Он теперь штабной офицер. И сделал так вовсе не потому, что, как может показаться, струсил. Нет. Он добросовестно учился, хорошо знал теорию, но небо не стало его домом, родной стихией.

Рассказывая об этом случае, Владимир Федорович Рыбалко одобрилительно заметил:

— Настоящий летчик Быковский. Класный!

А вот воспоминания о первом полете. О нем поведает нам Николай Сергеевич Ерофеев, бывший инструктор аэроклуба, ныне машинист московского метрополитена:

— Полетели мы в первый раз с Валерием в зону. Поглядываю в зеркало. Обычно ребята волнуются, на землю все смотрят, а этот — в небо. Задрал голову и улыбается. Я сделал несколько вращений, джумал, повлиаю, а он саже — хохочет. Вот только тогда я передал ему рули управления. Вначале подстраховывал, конечно, а к концу полета лишь слегка придерживал ручки палыцами. Поверил: будет Валерий хозяином в небе!

Для Вали Терешковой первое знакомство с небом было и первым знакомством с запахом земли. Да, это особый запах. По нему парашютист во время ночных прыжков определяет близость земли. Валентина любит рассказывать об этом необычном чувстве, испытанном ею во время первого прыжка. Она уверяет, что для парашютиста земля не пахнет ни цветами, ни дымком. Это какой-то отдельный, обчужденный запах. Он настолько ослепил Валу, что она скорее автоматическим, чем обдуманно, сделала все, чтобы приземление было мягким. Первое приземление, первая радость! И волнующая встреча с товарищами. Работа протрягивала ей что две, что три ромашки, сорванные на бровке летного поля, любимые Валины цветы. Букетов не дарили просто потому, что так у парашютистов не заведено. У них — свои приметы, свои традиции.

Есть что-то общее у Валерия и Валентины в их крылатой юности. И тот и другая, сделав только первые шаги в небо, сразу же попросили учителей усложнить программу. Не просили, а требовали. И добивались своего.

Совестные, родные, наши земляки!

Когда Валерий Быковский кончал среднюю школу, один из бывших соучеников, заглянув в его аттестат, где было немало троек и четверок, с восторгом сказал:

— Рожденный ползать летать не может!

Нечего говорить, «архаика» опозорен. Но этот случай заставляет задуматься над миром. Как часто мы ищем в людях этикетки: эффективных, проявлений необычного и проходим мимо того, кто на поверку как раз и оказывается героем! Что особенно во внимании Валерия Быковского? Да ничего. Если встретишь его в летний жаркий день в тенниске, а не в летной форме, решишь, что берет тобой юность, который еще и усос не пьет. А попробуйте побыть с этим человеком хоть день — и поймете, насколько он искренен,

ПЕРЕД СТАРТОМ

Безмолвна ночь.
Но, как из репродуктора,
Вдруг раздаётся птицы громкий
крик.

В окошке свет у Главного
Конструктора —

Старик не спит,
Волнуется Старик.

В который раз, как реки, взбунт
вены,

И Человек Земле промолвит:
«Жди!»
И будут пить радарные антенны
Радиоволн ревущие дожди.

Захлебываться будут телегаймы.
В платок украдкой плакать будет
мать.

А батя скажет:
«Мать, гляди! Летает!
Я знал, он будет высоко летать!»

мужествен. В нем крепко живет летная традиция: чтобы надлежно чувствовать крыло товарища в небо, нужно вместе держаться и на земле.

Есть в семейном альбоме Быковских такая фотография: в Москве, у Красных ворот, двое с насладением пьют квас. Это Андриян Николаев и Валерий. «Старший брат и младший брат, как их называют космонавты. Они дружны по-настоящему, так как могут дружить мужички с чистой совестью, с большими душами и цельными натурами. Можно было бы написать целый том о братстве Валерия и Андрияна, но ограничимся несколькими фактами.

Уже близился к концу тренировка. Должен был решаться вопрос, кто третий залетит в космос. Об этом спросили у Валерия. Быковский хорошо рисует. Он взял листок бумаги, мгновенно набросал силуэт Андрияна.

А в дни полета «Восток-3» Валерий на земле переживал все то же, что и его друг на орбите. Через день после старта он восторженно и радостно ворвался в комнату, где готовили к полету Павла Романовича Полюева.

— Братцы! Андрияша сейчас над нами пролетает!

Все это знали, но Валерий так зожок своим восхищением другиз, что все, даже Попович, уже наглопонуя готовил к полету, накинун халат на плечи, вышел, и все они вместе стояли и долго смотрели в небо.

В космосе «сработала» одна из шуток Космонавта-5. Во время одного из сеансов радиосвязи с борта «Восток-3» донесся приглушенный смехок Андрияна. Запросили, в чем дело. Оказалось, что командир «Восток-3» обнаружил в бортиурнале «памятку шофера» — табличку дорожных знаков, на каждой из которых рукой Ва-

лерия были сделаны «космическо-комические» надписи.

Москва! Ее по-настоящему показал Андрияну Николаеву его дублер. Вместе они не раз бывали в тиком Лаврушинском переулке — в Третьковской галерее. Вместе слушали в Музее изобразительных искусств курс лекций по искусству древнего Рима. Греция, эпохи Возрождения.

В один из осенних дней прошлого года они просто гуляли по Москве. Шли, изредка перебиваясь словами.

— Ты сделаешь больше меня, — сказал Андриян.

— Ты раньше, — ответил Валерий. И в том же, какими были сказаны эти слова, нет соперничества. Тот, кто их услышал бы, меньше всего мог бы подумать о том, что речь идет о полетах в космос и что беседа идет Космонавтом-3 и его дублером.

В августе прошлого года слетал Андриян, а теперь его друг Валерий Быковский продолжил беспримерный подвиг.

Еще свежо в памяти у многих все, что связано и Андрияна Николаева с полетом его друга; и его мудрые советы и теплое, взоревая сказанное нужное слово. Но больше всего залела всем в душу картина их встречи после завершения полета «Восток-3»: крепкое мужское обаяние, которыми манит все связано.

Такая дружба в отряде космонавтов — явление обычное, не редкое. Это сразу почувствовалось по приезде в «Звездный городок» и Вала Терешкова. К ней присматривались, недогоя, приняли как равную. Девушка в первые же дни поняла, что она духом сродни остальным космонавтам, что с полным правом может в дружеском разговоре «мекнуть» за ошнику, поддержать толковый спор

и добрую шутку. Уж очень хорошо все это получалось у Валентины Терешковой! Тут скалдася фамильная черта Терешковых — человеколюбие. Таким был Валин отец — Владимир Аксенович, тракторист, богатый — косяк сеяние в плечах. В деревне Масленниково, Ярославской области, где жила семья Вали, ее отца называли «наша со-весь». В любом трудном споре его слово было весомым и значущим решающим. Такой же была Валина бабушка. А мать! Вспоминаются Валентине далекие дни детства. Елена Федоровна уходила в поле, оставляла на попечение Вали и сестры братишню Володю. Трудно было «нашкани». Недоглядят — перепачкается Володя в ту же, а то и обожжеться в кривине. Мать никогда не ругала, даже не журчала. Вылетел Володю, накормит сама. Иной раз и поест не успеет. Заметила Валия это, стала больше помогать матери. Трудным было Валино детство. И как светлый лучик яркост и в памяти воспоминаний о маминых песнях. Мамини песни... Вынало, перед сном улегутся все в доме, прочтуют несколько писем, оставшихся после отката, прочтуют, может, а сотый раз, а потом мама начинает петь. Петь одну, другую, ребята асыплют, а на следующий день горько жалуют о том, что уснули и не дослушали мамину песню. Простат осяна спеть.

Кто знает, может быть, вот эта душевность простых людей Терешковых и сделала Валию близкой сотням девушек на красномоском комбинате «Красной Перепелки», где она была секретарем комитета комсомолоа, своей — в отряде космонавтов!

Свершился триумфальный полет «Восток-5» и «Восток-6». Четвертый раз советские люди встретили космонавтов, возвратившихся из просторов Вселенной. В который раз журналисты многих стран мира задавали себе вопрос в чем же секрет побед советских людей в освоении космоса? На это хорошо ответил Валерий Быковский в своей речи на митинге на Красной площади: «Как и впервые полеты в космос, наше путешествие туда является еще одним конкретным выражением великого подвига асто советского народа, того исторического подвига, намало которому положено передовыми людьми рабочего класса, великим Лениным и созданным им могучей, непобедимой Коммунистической партией.

...Шагая по улицам «Звездного городка», мы раздумывали над тем, что же роднит обдуманную жизнь космонавтов с героическими делами. И поняли: работа. Единство обдуманного и великого центрируется прекрасными моральными качествами людей, о которых мы с осторгом говорим:

— Советские, родные, нашеские!

Григорий ХАИТ

Одна из первых встреч на земле. Она была особенно радостной не только для Валерия и Валентины, но и для ребят, своими глазами видевших не скажочных, а настоящих, живых героев космоса.

...Я приношу самую глубокую, самую сердечную благодарность родной Коммунистической партии, Советскому правительству за то, что высокая честь совершить многодневный космический полет была оказана мне — члену Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Валерий БЫКОВСКИЙ.
Из выступления на Красной площади
23 июня 1969 года.

XVII съезд партии определил программу строительства коммунизма. Весь наш народ строится к этой благородной цели. Хочется пожелать нашим юношам и девушкам приложить все свои силы, чтобы общество, утверждающее мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье всех народов, было построено как можно быстрее.

Валентина ТЕРЕШКОВА.
Оглот журналу «Смена» на пресс-конференции 25 июня 1969 года.

На пресс-конференции, посвященной успешной полету кораблей «Восток-5» и «Восток-6».

Фото Г. ДУБИНСКОГО,
В. КИРВИНА, В. САЙКА,
ТАСС и АПН.

ТРАДИЦИИ КОСМИЧЕСКОГО ДРУЖЕБЬЯ

В штабе совместно космического поезда Павла Романович Попович на минутку отходит от микрофона, чтобы передать его оружное надутое калитаном «Востока-5» и «Востока-6».

— Именно сейчас: им очень нужно услышать самые простые слова, — говорит Попович. — О доме, о семье, о том, как ждешь их там, волнующся в ожидании. Не страшно, им следов сейчас за экраном телевизора, что стоит здесь, на видном пункте, сейчас люди Валерия и Валентина и, открывено говоря, восстающие ими: до чего же хорошо держаться, как уверенно и спокойно! Только и слышишь от них, что чувствуют себя прекрасно... И снова Валерий спрашивает о семье, о женщинах, «Чувств толком: что собираетесь пережить маме, чтобы она не беспокоилась? Я был в Вала Бывской накануне, стараясь поинтересоваться, чтобы точнее передать ее привет Валерию. Как видите, не ошибся — эти сердечные, проде и не относящиеся прямо к делу, но бесконечно важные и нужные слова перед значимым доверием сказать нам, товарищам экипажа космического корабля. Это один из наших традиций...

Разговор с Павлом Романовичем на время прерывается: наступает очередной сеанс связи штаба полета с космическими кораблями.

Есть среди грандиозных, фантастических сложившихся космодорожек зарисовки зловещего улогод, вроде и не предусмотренных разработчиками строгих науки о космических полетах. Это цветные, небольшие пометки стеновой схемы, тщательно уложенные забортными руками ребят на стартовой команде. Обычно начальники ее преподносят яркие, душевные. Акиме космонавты и его дублеры, как правило они впадают во влюбленность, уже облаченные в оружные комбинезоны и блямы гермошлемы путешественников по Вселенной. Этот традиционный букет цветов, как жемчуг, блямы вручающимся экипажу перед новым переходом в знак того, что путь вперед свободен и только ему одному доверено право пройти его!

Теперь космонавты должны расстаться с тем, кто много дней был его дублером, двойником, напарником, самым близким товарищем. В минуту прощания не слышат хрусталь бокала, да и подается только — мина скрывает прозрачным забралом: братья по космосу объяснял, «можулясь» гермошлемом и уславывая о скорой встрече. Им, рука об руку прощались, возможно наполненной в зенит ракеты, но все и не надо торжественных слов и само собой разумеющихся заверений. Разве они не знали бы за себя вместе, если бы не знали друг о друге все, что только можно раскрыть в человеке космический труд и отдых, учение и воинская служба! К тому же самая важная и ответственная часть их общей работы пока еще не завершена...

— Каждый полет по своему неповторим! — сказала как-то Главный Конструктор космонавтов, один из командиров, воспитателей, тренеров, осмыслил из этих слов единственно верный вывод: каждый интуитивно к звездам выходящий же и связанный с космосом товарищ. Двери в космосе не открываются в одиночку. По принципу «космонавт-дублер» передавались опыт и навыки от Гагарина к Титову, а потом они и далее, не надо сказать, что Валерий Николаевич и Попович, учид их победы, например, невесомости. Затем все четверо они были инструкторами по подготовке совместного дополнительного космического полета Валерия Бывского и Валентина Терешковой.

Одна из фотографий памятных ав-

густовских дней прошлого года запечатлелась Космонавт-2 славившимся нам, своим близким дублером Андрияном Николаевичем в кабине учебного корабля-спутника. Что говорит тогда Герман?

— Возможно, и чувствовал себя в полете чересчур свободным, с самого начала делая резкие движения, смеялся приступил к физзарядке... Ты, Андриян, действуй по-другому — выходи на поверхность осторожно, сначала прощупай ее зондажом! И еще: не лезь перед собой, не забудь засунуть руки под ремни, а то они, невесомые, поползут и разбудят тебя...

Ты знаешь, подлетел к фотоконтуру и киноаппарату такое же мимолетное еще раз, но ясно: Космонавт-5 и Космонавт-6 ушли на орбиту, вооруженные опытом, приобретенным их предшественниками. Выход из орбиты все они провозглашал на космодроме Валерия и Валентина до первой ступени в космос — стальной ступеньки трапа пусковой ракетной установки.

Как же зародились эти новые профессиональные и дружеские традиции людей, чья специальность — самая большая — летать? Наверное, самым было положено в первый же день, прежде едут в городок, еще не названный тогда «Звездным».

С сему и колоссальне из дальних и близких мест, они появились здесь почти одновременно. На этот счет не было особого приказа или предварительного уговора — просто их неудержимо влекло неизведанное дело, казалось бесцельно прожитым, лишнее сутки, потраченные на сборы. В штаб они пришли все вместе и один за другим отработали о прибытии. Затем так же дружно, кому-то уже определенно в шутку кто-то из них, приступили к занятиям и тренировкам.

Сегодня были бы удивительно интересно пережить полкату «Нептун» — стеновой газеты отряда космонавтов. Гле бы была группа — на парашютных тренировках, в медицинском профилактическом, на охоте в часы досуга или у тренажера космонавтов, тут же появляется на месте вымазанной неземной सदородной территории потрескивающий старейший. Зато уж если предсталась повод кого-то похвалять, отметить успех или семейное торжество, никто не делает это быстрее «Нептуну».

Был случай, когда один из космонавтов, всецело поглощенный делами, вспомнил о своем дне рождения... увидев специальный выпуск стеногазеты с поздравлениями от «друзей по космической дорожке». Что и говорить, осведомленности «Нептун» о событиях в отряде космонавтов могут позавидовать крупнейшие газеты мира!

Путь к звездам не усыпана розами — тернии на нем куда больше! И настоящие законы космического товарищества прошли через испытания на прочность, доказав спаянность и силу всего коллектива.

— Однажды летал с одним из космонавтов случалась беда: травма пошевеления, полученная во время купания, вынудила командование поставить вопрос об отчислении его из отряда. Другая горой встала за товарища: они много раз доказывали, что можно перевести его временно на другую работу, создать комплекс специальных физикультурных упражнений и под наблюдением врачей полностью восстановить здоровье космонавта. Потребовалось много настойчивости и уверенности, чтобы добиться согласия командования и медиков. Зато, когда оно было наконец получено, виновник всех волнений мигом оказался в «невесомости»: счастливый друг похвтал его во руки и привнес калитане что было сил.

Здесь не терпит многословия — на это просто лет времени: строжайший режим жизни и труд космонавтов волея каждому во плоть и кровь.

— Уиваче нам нельзя, — объяснил Павел Попович. — Традиция очень хорошая, будем ее поддерживать все время...

Действительно, иначе нельзя. «Небесные братья и сестры» живут и работают по своему высокому классу точности и чистоты — звездному, советскому, коммунистическому!

— Орел... Орел... Беркут...

Так заприщавил по радио Титов, Николаевич, Попович.

Потом в эфире звучало:

— Ястреб, Чайка...

И в отряд раздавалось:

— Вы спрашиваете, как возникла традиция нашей дружбы?

Павел Романович Попович, снова встав минутку, свободную от дела на командном пункте, возвращается к нашему разговору:

— Помните и Гоголя слова Тараса Бульбачо: «Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уж светлее товарищества!»

Космонавты считают, что их отношения между собой и большой, верная дружба, ставшая отряд, рождены همه укладом советской жизни, воспитана Коммунистической партией и космопол.

Виктор БЕЛИКОВ

Первый секретарь грамату ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов вручает Валерию Бывскому.

КАК ПОВЛЯЮТСЯ
ДОРОГИ

БИАЕТ
ТУДА И ОБРАТНО.

ПОГОНА ЗА ПРИЗРАКОМ
ПОДВИГА

ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС,
АЛЕКСАНДР ВОРОНОВ?

Многда бывает, что внезапный разговор вдруг свывается в единую цепь разрозненные события, факты, встречи, участники которых был и которые казались всего лишь случайными фактами, случайными разговорами и случайными встречами. И оказывается, что это звенья одной цепи, события одного ряда. Вот так случайный разговор с Александром Вороновым в электричке, спешившей на встречу ночной Москве, заставлял меня вспомнить и пересказать. Разговор, в котором мелькнула мысль: след на земле.

След на земле... Мне припомнилось, как летом 1958 года шофер целинно-го зерносовхоза «Озерный» Николай Кротов выкатил на трактор, приехавший широкая автомобильными скамьями, и трогал траву короткими сильными ударами, все пробовал: не подведется ли? И скамья, разваливаясь — А знаешь, пахоже, что дорога здесь будет. Будет-таки дорога. Моя дорога, а? Как думаешь, запомит, кто проложил? Ну да ладно, главное — проложил.

И засмеялся, погнулся на солнце, потный и влажнотелый. А впереди была озеро с галечниками берегами, где только-только начали работать катки катронов. Позади, над знойной землей, дрожали, переминались прибалкаженные и опрокинутые марсов дома, тельняшки, прутья — кельзала, что они очень близки, на самом же деле до них было около сотни километров по ковальной степи, по солончакам и барсучьим норам, без тропинок и вех. И где-то там, в центральной усадьбе совхоза, немного на отшибе, стояла ослеп огромого зерносклада, для которого требовался галечник.

То было время первых летних журавлей. Время, когда нивала дурно пахнущий туман, которого возникла в степи: прошла машина, прижала траву — вот и след, прошла в другой раз — вот тебе и колея, прожались в третий — вот и дорога. Много дорог появилось в степи и в то лето, но немногие остались жить. Помню, тогда я подумал: останется ли дорога Кротова? И через два года увидел на подробной карте область своего черную линию. На восточной ее стороне была точка и мелкая надпись «с-з «Озерный», на западной голубая крошечная надпись совхоза «Чемалды». Судя по обозначениям, дорога была отнесена в разряд грунтовок. А через несколько дней я увидел и саму дорогу: болды, убитая колесами земля, палочки, как тринити, чешуйки, как грубо выскокшей речки.

— На «Чемалдыской карьер» — сказали мне водителю самовосла. — Из совхоза «Озерный»? — Нет, все сейчас по ней ездит за пробам. А поначалу, правда, из «Озерного» шла. Коляка Кротов накатал ее. Прямая линия, нет, по-заправилась. А сейчас? — Да и сейчас ездит...

Совхоз стрелкам. Пруда, на котором в августе лето ночевал дикие утки, был затесен вытнувшимися топольками, три улицы аккуратных домов раскинулись от пруда в стороны, как лучи звезды. В одном из домов — нашла Николая Кротова.

— Сколько ты уж здесь — третий год? — Четвертый, — поправила он. — А собрался на Дальний Восток! — напоминала я ему давние наши разговоры. — Что же не поехал? Привык, что ли?

— Может, привык, — кивнула он сплюснато, покая, как медвежьи, разворачиваются у пруда пыльные тракторы.

След на земле... Из небольшого пососковского городка, славного по всю страну своим тепловозам, и уезжал вечером. Электропоезд на Москву был пуст, насквозь просматривались вагоны, золотистые от плафонов и желтого лака скамеек. Случилось так, что отек и слезы Алексеевны утонули на этот же поезд, и минут пятнадцать — до их остановки — мы ехали вместе. Алексеев-старший, Василий Васильевич, был директором завода, и механизаторским цехе, где работал оба его сына, и теперь за что-то выговаривала Алексееву-младшему, тоже Василию, а тот отрывался, спорил, но спор этот и возмущения их насчет были на для кого не обидны, за ними угадывалось хорошее, глубоко спрятанное, сдержанное дружелюбие.

В вагоне лишь три скамеек были заняты: в дальнем конце дремал дед пожилые женщины, поближе к нам сидела высокая пареня, темноволосый, смуглый, широколицый, и как-то не шла к нему персидская светлая шапка, сбитая на затылок. В руках у него была газета, но то и дело он поднимал голову, глядела в окно на моих соседей. Наконец, по-видимому, на изумление, он подполз, свергнув умявшись, поподорвался. Алексеев-младший подал руку, старший, Василий Васильевич, медлоидный, разгоряченный спором, прикуривая, вглядывался, протянул.

— А-а, Воронов, все тот же тебе!.. Кто живешь? — В Москве же, как в Москве и раньше, был он скамья насосновал. Но не дружелюбие, как в разговорах с сыном или товарищами по заводу, проскользнула в нем, а снисходительность.

— Живу, — ответил пареня. — Ну, живи, живи... — А вы как, Василь Васильевич? — И мы живем, клал жужж... Под поездом зашуршало, сила испуга кинула вперед поезда перемогла. Алексеевы подымались. Младший молча пожевал парню руку, хлопнула по плечу и пошла к выходу. Старший, как прежде, отворачивался кивком головой от сыновья тономы, и в глазах его уже не было снисходительности, лишь задумчивость не во веселом. Улыбка исчезла с лица парня, он хмуро провоза Алексеевых глазами и отворачивался к окну, за которым медленно скользящая назад один стация...

Я вышла покурить в тамбур, и вскоре пареня этот тоже подымаля, попросила папиросу и жадно затюкался. Несколько минут мы стояли молча, потом он заговорил — как-то сразу, неожиданно, но возбужденно и искренне: — А ты по Чуйскому тракту «МАЗ» поехала? А я गया. И в Каракумах гонимая? А что. Мне двадцать семь лет, пошла? А ты и выше? Вот что я имею, видный. Скажешь, мало?

Он подала руки ладонями вверх, словно бы держал что-то. Это были руки рабочего человека, тяжелые, сильные, со старыми мозолями, в светлых притухших ширмом и шариках.

— Этим рукам что хочешь добуду, что захочу, то сделаю, — проговорила он хмуро и уверенно, словно бы с кем-то споря.

— А что ты хочешь? — спросила я. — Не знаю, — откровенно сказала он. Мы докурив, вернулись в вагон. Он сел напуган, пригнулся на окно.

— Вот, добывал дома, — пробормотал негромко. — Погостил. Провожал меня — видел ребят?

И кивнула, приговинив: стояла у вагона вчетвером — этот пареня, еще двое ребят и девушка в светлом пальто.

— Дружки... Весте шлово кочивали. Тот чернявый... Костик, инженер-механик сейчас. Серега — шарниром, муги варит по-холодному. Высокий кланя, даже в Москву приглашают для теплицы работы. А начинал вместе в одном цеху...

Мне показалось, что в слухах его прозвучала зависть, и он, по-видимому, тоже почувствовал это и словно спохватываясь.

— Ты не думай, я тоже сварщик. Четвертый разряд. Да и не только сварщик. Я все, что нужно, могу: шофером — шофером, монтажным — монтажным, слесарем — слесарем, заводу? Нет, мне самому любой позвонивать может. Ты поезжай в Минусинск, на Каспий, спроси: кто нефтяной фронт на Четвертой была обладательницам красноточкой, чтобы огонь сбить? Поезжай спроси! Самка Воронов, скажут, — и!.. Обо мне ведь помнят.

Он исподлобья глянул на дверь, в которую вышел Алексеевны. — И как дружке на одном месте сидят? Мне бая тебе говорила: оставаясь, станов тебе перерад, или что другое выбирать, но будет в заводе ко бы и поедать, правда же? Свет посмотреть, свой след на земле оставить. А возьми Костика. Или Сергу. Как они? Все один завод, один цех.

Он сидел, нахалживался, глубоко зазавуру руки в карманы.

— Или вот Алексеевы, — заговорила он снова, проговинив образную мысль. — Тоже с нашего завода. Василь Васильевич сорок лет в механизаторском проработал, ушел на пенсию. Василью вместе себя поставила. А старший его, Игорь, в другом цехе — заместитель начальника, пошла? И третий его, Иван, также на за-

воде. Или возьми Шереметьевых — тоже потомственный токарь. Да сколько у нас таких — полгорода!.. Да я тоже потомственный. Так чего ж они на меня сверху смотрят, словно на незнакомца какого!

Он снова замолчал, на этот раз надолго. Приблизжалась Москва, вагон постепенно наполнялся, становилось в нем шумно и тесно. Получив мой список в лица людей, точно искала в них что и не находила, и потому горбилась, слабой рукой мя чистю выбритушу шку.

Сада на земле.. И память вернула мне вдруг поминную сень, голубое озеро Чиньдан и знаменитую звезду, что закружилась в окрешных топках над совхозом «Озерный». Я сидела с Колькой Кротовым в чайной. Неизкие лампочки освещали лампы, отдаленные после смены и знобной дня. Стоял мерный гул толксов, звякали крышки чайников. Люди разговаривали, смеялись, играли в шахматы, окруженные плотным туманом большого зала.

Николка, прихлебывая крепкий и темный, как деготь, чай, тихо говорил:

— Дамский Восток, конечно, здорово. Только никак я с этого озера свяжусь к моту Поминку, тогда паршивала; запомнит, что дорогу прощай! Запомнила. Кротовским трактом зовут... Он отвел от меня глаза, словно стеснившись горьких оплохов, которые записаны в книгу. Только не в признании дело даже. Я не гордый. Просто до дела хочется

все довести. А делу... он усмехнулся, — делу конца не видно. Совхоз все строится. Как тут уделить...

— По вагону прощала контролер, шелка коммюстеров, дарила билеты. На картонном прямоугольнике, который равнодушно протянул контролеру Воронов, чернел оттиск: «Туда и обратно»...

— Сада на земле... это что — дарят сирота Воронов... Канал прощай, а Или дела поставят? Я завод в Сибиря строю — ребята distraивают, каляк рвак под Алтаибандом без меня кончатся. Комбинат на меня начинал. Как, по-тоному, у меня есть сада!

— И не успел ответить. Он усмехнулся с какой-то пререзательностью, скопился на черное стекло, потом снова повернулся ко мне.

— Тренирую я тебе. А почему тренирую? Обидно, вот почему. А по-настоящему, те мои поняти! Ревне на Мангышлак. Да и то га, может, пошла, два, а потом? Пошли, он, может, раз на жизнь и приходится, а в другом дает Говна по Чуйскому тракту «МАЗУ. Ну, говна, там тыща человек их говнет. На канале без воды забилась! Ну, забилась. И что? Да ничего, вот оно что...

— За окном прощали, разворачивались и прощали пошлы, улицы московского пригорода, огни рекламы, яркие освещенные фабричные корпуса. Воронов тронул мя за рукав, сказал как будто:

— Ты понимаешь, баты живая на писню шку, такое дело. И нет боль-

ше Вороновых в заводе... Были Вороновы, теперь... Я промочаю, ождак. Но он ничего не прибавил и стал рассеянно смотреть на огни вечерней Москвы.

Электромотора, автомотора, все подальше ступалась у двери. Мы хотквели. Я пошулка с сожалением, что так вот и кончилось это необычное знакомство: сейчас мой сосед пропадет в толпе, и я никогда не узнаю, что у него там...

Мы молча шли рядом к выходу в город. К соседней платформе подкатил длинный состав поезда дальнего сообщения. Пальм жидких огней на стенах вагонов была исполосованы streamи редкого северного джоджа — так и зыстала разведками. Горячий тепловоз остановился в толпе, зарокота мотором и стук, отдавая после долгой дороги.

— Стрижка, машина-то наша, а? — кинула, оживившись, Воронов. — Марку видишь?

— Марку вижу! — сказала я осторожно. — Только почему наша?

Он посмотрел на меня внимательно, оживление исчезло с широкого его лица, шевалялись жваляки на скулах.

— Сауша, а может, лужо, а? — сказала он, точно выдохнул. — Ты меня не знаешь, и я тебя не знаю, а вот скажи по-честному, может, лужо, а? Может, все это и яря: Мангышлак, Туркмения? У меня билет уже в кармане — в Мурмысь, на путнику хотел, а может, не так по-тоному?

— Да видишь ли, я могу сказать. Да недорого это стоит. Я своим умом живу, ты — своим...

— Это верно — сказала он замучено. — Понюхал из кармана лажку «Беломора», рассенным жестом предложил лажиросу. Я удивленно на него посмотрел. Он непонимающе прищурил глаза, пошулка:

— Сменюхуся криво! — Да... Это я для знакомства одолжу у тебя. Бывает: поговорить нужно, сам пошвещею... Ну, да забудь!

Мне хотелось сказать сейчас: «Он подошел к кассе и купил билет до своего родного города». Но я не могу этого сделать, потому что он

быстро потерялся в толпе, этот крепкий, темный, с тяжелой рабочей рукави, и я больше его не встретил.

След на земле — это тот Канал, по которому вода бежит на голодную землю! Построенный дом! Прохождение дороги!

Но разные бьвают дороги. Одни зарастают степными травами, другие живут, служат людям. Я думаю, что не привыкла заставила осесть Николка Кротовым в глубинах дальнего совхозе, а стремление «накатать свою дорогу до прочности гидрооного шпосе, стремление в конечном итоге не только написать, но и утвердить свой сам на земле. Именно это стремление превратило Алексеевых и Шереметьевых-маиных в потомственных токарей, электрослесарей, сварщиков, заставило друзей Алексея Воронова подвигать в себе воплущее желание «податься, куда глаза глядят, на край света». Но я знаю: и «на край света» ослеси бы изобрести прочно и здесь поставил бы корни рабочих династий.

«Сада жаждет...» Молодая сила жаждет вторе — самого трудного, самого героического, самого романтичного. И не только в труде. И не только бгаусого и горячего, с места, кидает из стороны в сторону эти бродящие, как вино, сила. Но позже, когда примыкаются города и веси, когда душа потребует чего-то более глубокого, веского, зримого, чем погоня за призрачным подлитою и эжюктой. Язычки земляль и домык странствий, прощай большие раздумья! След на земле, приходит истинное чувство, что все, что было, не зреть, а только предисловие к ней.

Я никогда больше не видала Алексеева Воронова, но уверена, что пусть не сегодня и даже не завтра, но он обязательно купит билет до своего родного города и на картонном листочке записывает уже не будет слова «прощай».

Впрочем, может быть, и не купит. Может быть, он станет рыбаком и будет говорить: «У нас в Мурмысь-инском совхозе-завхозе уже не будет слова «прощай».

Читатель бьет тревогу

Механизаторы покидают совхоз

Р едакционная почта — как стрелка барометра, вернее, как много стралок. И каждая из них указывает на ту сторону нашей жизни, на тот участок работы, который по тем или иным причинам волнует молодежь. Разными бьвают эти волнения: радостными — когда читатели рассказывают о славных трудовых делах своих товарищей; тревожными — когда комсомольцы пишут о недостатках, от которых мешают работать, строить, жить, идти вперед.

Перед нами несколько писем. Писем, которые, к сожалению, не радуют. То, о чем сообщают молодые ценникины из Казахстана, нестораживает. Читатель бьет тревогу.

«где вы, механизаторы?» — так заглавлял свое письмо Иван Габ из совхоза «Коктобейский», Актюбинской области. «К нам прибавил две группы механизаторов — 24 и 30 человек. Это было не так давно. А сейчас из них осталось только девять. Остальные уехали или просто сбегали. Почему?»

Так пишет Иван Габ и сам же отвечает на свой вопрос: «Рбота механизаторов организована плохо, поэтому заработка едва хватает на тепловоз. В общиннике холодно, нет радио. Просили дать валянки для работы на морозе — не дали. И главное, нет вечерней школы, а ребята хотят учиться. Многие окончили седьмой, восьмой, девятый классы, а продолжают учебу не могут».

Серьезный, очень серьезный сигнал. Но, может, быть, совхоз «Коктобейский» — исключение, может быть, он единственный на целине, где не заботятся о людях, не берегут механизаторские кадры? «Окончив курсы трактористов и получив аттестат с отличием, я приехал в зерновосоз «Шуйский», Целиноградской области, — пишет и описывает Леонид Баранов. — Не было сороса овести. Мы жили в конторе. Стелка в конторе выбиты, а на улице мороз. Но мы не унывали и не жаловались, знали: тем, кто жил здесь в палатках, еще тьмелее приходилось. Беда была в другом: хотелось работать,

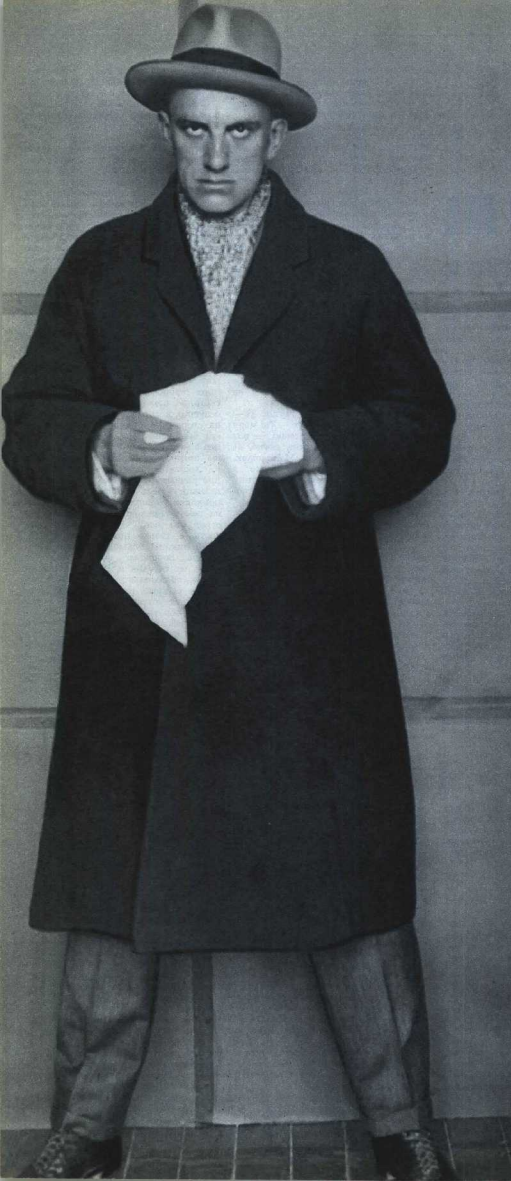
а работы до самой посеянной нам не дávalи. Задолжали мы совхозу за это время, да так, что, проработав посеянную, едва расплатились. Потом лето. Трактористам — самая работа, а мы стоим, потому что машины нам дали совсем плохие, одно слово, что отработано. Потом зима, морозы, морозы, морозы, морозы, морозы, сдвинулся с места, хоть я от него ни на шаг не отходил, все пытался навалить. Так и в остальных».

Коротко говоря, стали уходить ребята из совхоза. Тут осенняя пахта на носу, а ржак механизаторов не высеян, и не высеивается. Так и ушел из «Шуйского» и все другой. Ни одного человека не осталось из тех, кто вместе со мной приехал. Не думайте, что я куда-нибудь домой подался, в легкое место. Нет, я в другой совхоз пошел, тут же, в Целиноградской области. И совсем другое дело стало. Совхоз замечательный, крепкий, и люди здесь хорошие, и работа радостна.

Но «Шуйский» мне все-таки беспокой. Побывал я там недавно. Положение такое же. На тракторах работать почти некому. О чем же думают руководители этого совхоза? Так и ушел из Ивана Габ Леонид Баранов. Он пытается ответить на свой собственный вопрос. Он резонно полагает, что это должны сделать руководители хозяйства, которое по их вине осталось без механизаторов.

И наши читатели скоро узнают, что они отыскали. По заданию редакции мы пишем «Шуйский» и «Коктобейский» и мысленно официальный корреспондент «Смены». В одном из ближайших номеров журнала будет опубликован его отчет об этой командировке.

Читатель бьет тревогу. Читатель ставит вопрос. Очень важный и ошеломляющий вопрос. Ведь нехватка механизаторов ощущается не только в этих двух совхозах, но и во многих других. И не всюду еще поняли просто и очевидно истину: механизаторов надо беречь!

НАША АНКЕТА

«Маяковский—сегодня, Маяковский—а нынче — так сформулировали мы вопрос нашей анкеты. Не бронзовый Маяковский, застывший на московской площади, а живой, работающий поэт-актivist».

Мы обратились к нескольким творческим работникам и попросили их рассказать о том, чем помог им в их работе поэт, какое влияние оказало на них такое огромное явление литературы — Маяковский.

Источник

ВДОХНОВЕНИЯ

История нашей страны за последнее бурное полугодие несомненно богата замечательными людьми. Но и среди самых знаменитых имен городской высоты легендарная фигура Владимира Маяковского. Его стихи я знаю с юности, еще со школьных лет.

Я никогда не принадлежал к специальным избябителям поэзии», коллекционирующим стихотворные сборники или посещающим вечера декламации. Для меня стихи Маяковского, так же как и другие наших прекрасных поэтов, есть неотъемлемая часть моего духовного мира — наряду с картинами Сурикова и Нестерова, музыкой Даргомыжского и Мусоргского, трагедиями Шекспира и романами Достоевского.

Конечно, как музыкант, я всегда имел, кроме чисто человеческой, если можно так выразиться, еще и профессиональную точку зрения на поэтическое творчество. Я очень люблю музыку, связанную со словом, будь то песня, романс, кантата, опера или оратория, и сам стараюсь сочинять в этих жанрах, предпочитаю их жанрам чистой, то есть бестелесной, музыки.

Стихи Маяковского вдохновили многих музыкантов, написавших большое количество сочинений на его слова. Я также с огромным увлечением сочинял свою «Патетическую ораторию».

За что я люблю Маяковского? За его глубокую честность, за возвышенность его мыслей и чувств за его искренность и мощность во всех видах, за его бескорыстную любовь к стихам. И, конечно же, прежде всего за его замечательный, неповторимый поэтический талант.

Общение с его поэзией всегда настраивает душу на какой-то особо возвышенный лад.

Богатая огромными, важными и ценными соображениями, поэзия Владимира Маяковского всегда будет радовать людей и слушать источником вдохновения.

Георгий СВЕРИДОВ,
композитор, лауреат Ленинской премии

Часть тебя самого

Поэт умер, а стихи живут... Фраза банальная, можно сказать, от долгого употребления потерявшая до дыр: о больших поэтах так говорили еще столетия назад. Наши же любят, точнее знают «стихи живут сами по себе? Как живут?

Маяковский жил во мне и менялся вместе со мной. Это и значит: стихи живут. Я думаю, что так у всех. Если много лет любить поэта, если стихи его стали частью тебя самого, они живут, как и сам человек. Это только кажется, что стихотворение есть величина постоянная. Мне, например, всегда нравилось «Письмо товарищу Кострову о сущности любви». О хороших стихах иногда говорят в них много чувств. В этом стихотворении много чувств: оно чуть шутовское и грустное, оно говорит о самых простых вещах и о самых больших глубинах жизни и человеческого сердца. И поначалу мне эти стихи нравились слепло, в целом. Они мне нравились, и я понимал, что стихи эти о творчестве. Потом случилось так — и случилось, как случается, не из моей любви к стихам, а совсем по другой причине, — что стихотворение всплыло во мне одной своей строкой: «Любить — это простейшее бесоснование равных, срывать себя, ревнуя, и Копернику!»

Я журналист и занимаюсь не астрономией, а людьми. И Копернику мне ревновать не приходилось по очару, который я начал тогда писать, загнав куда-то в глубины души эти звучащие во мне строки, как говорил, получились хорошие.

Эта редакция фотографии поэта сохранилась в архиве А. Родченко. Ее передала «Смена» дочь А. Родченко — Варвара Александровна.

ВОСТАНОВЛЕННЫЕ СТРОКИ

А совсем недавно я опять исполнил эти стихотворения у себя в гостинице у гробовой стелы... Я в тот а какой-то шершавый и спорный о своих шершавых делах. Потом один встал и крикнул: «Где лежат узники? На спор!» «На что спорить? Они встали и ушли, давнотомленные через черную дверь упрямия и своему слову верный». В «Письме товарищу Кострову» Маяковский о шершавой работе много не писал.

И вот в изъезд-то гробовой стелой, когда домыслил это, За зная до зноба вавилоня слово задоторенной иконой.

Маяковский писал о поэтическом слове. Шершавые тут ни при чем. Но когда я со своим корреспондентом встал и крикнул: «Где лежат узники? На спор!», строки продолжали во мне жить.

Угаян, огонь, вода подступают в ровное. Кто сумеет совладать. Моего? Попробуйте!

Я потом понял, в чем дело. Да, стихи по форме — о творческом труде поэта. Но по сути своей они о всяком труде, о всяком творчестве, о титанической силе, которая любит, скажем горы, а в частности, может писать стихи. Я писал, что стихотворение это мне давно нравилось. Но именно — не творчество, а именно «Письмо товарищу Кострову» мне уже тогда было интересно. И именно — не творчество, а именно Биография страны наполнила стихи Маяковского новым содержанием, ибо биография по-новому открыла стихи для меня. Стихи как бы восторжествовали там, где они «разрываются» в поэте. Я привнес один пример в виде:

И еще: сейчас лежат ионизация. Есть понятие: ионизация воздуха. Стихи Маяковского это как грозовые тучи, или хочется дышать глотком воздуха после грозы, или хочется дышать глотком грозы. Я не сумел вспомнить, что именно делал грозовые тучи вечером. Но а отвлеченно, как несильно лет надзем шел по ионизированной степи: только тепло налетало на ладони, а горизонт низко над землей дрожало, а море, море огня рабочих поездов. И слово не я, а ты читаешь, став они говорили, все мне стало Маяковский: «Я планка наших людей грозы, разрывая на части». Я вспоминаю, как навстречу, с которым шел, послушать стихи. Он слушал как будто впервые. Потом оказалось, что он еще о таком же главу «Корсаков» знаешь.

Ю. СМЕЛОВ, журналист

Наш учитель

В нашей советской поэзии он — правофланговый. Все мы вышли из него, все мы в авангардном будущем — в современности по Маяковскому. Сила поэта не только в его таланте, но и в его мужестве, выразителе которого он является. Маяковский сделал великую нашу действительность, наша жизнь, наши идеи.

Маяковский был непоколебимый выразитель своей вневременной эпохи, любил все громадное, все, что не угадывалось в обычных рамках и представлениях. Вот почему любовь у него — «каблочки, шагги — «сананы», а если знаешь — так «во соросаю копию». Вот почему он у нас — «революция младины брать». Поэт хотел видеть все великую силу революции, все новизну того, что пришлось о себе сказать миру. Маяковский любил истребительное и стрелительное, все, что несло в себе заряд энергии и движения. Студя все смешное, пугающее, серьезное, что больше всего объединяет человека человеческого. Поднимал, как знамя, все немилосердое и исключительное, что было в нашей эпохе. Поэт был рожден для революции, и она стала для него всем, потому что в ней было все, что он любил.

Мы, молодые поэты, плоть от плоти, кровь от крови поэзия Маяковского, и мы учимся у него не только мастерству, но, главное, активной открытости и искренности, любви ко всему новому, заработной искренности, удивительному чувству жизни:

Работы нет! Погиб товарищ! Себя, себя бой! Грудь наша — змея летарная.

Принятие мира не нам готового целого, где только — остается только пытаться да поминуть готовое, а как мыра, где идет война вселенная за красноту да новое прекрасное,— это и есть Маяковский:

В наше время нет поэтов, — писатели, же полегли.

И у поэта молодого поколения, самых молодых в поэтическом смысле, — возникает традиция творчества В. Маяковского, Илья Обинин, С. Евсеев, Ю. Фейнберг, Дана Злобина, Леонид Агеев — вот далеко не полный перечень новых звездного поэзии, входящего в литературу традиционные традиции поэта. Вот они — поэмы поэтов.

Владимир Цейлин, поэт

В литературном наследии каждого крупного писателя всегда проглядывают по различным причинам произведения, которые служат иногда предметом восхищения не одного поколения исследователей. Не исключая этой категории и В. В. Маяковский. Но не исключая и того, что в последние годы, дружелюбно, по свидетельству его близкого, значительного друга — Ю. Фейнберга, — изданы текст другой авторской поэмы о лете «Мандрава, или «Сестры о Мандраке», которую он в свое время читал в Политехническом институте в одном из своих сборников.

И в этот его произведения следуют отнеси и к творчеству, написанному совместно с Н. Н. Асеевым в августе 1924 года поэту Ю. Фейнбергом, и пространством стихотворения о папиросе «Клад», в том же, что он был принят Маяковским, свидетельствуют соответствующие — гонимые расписки, сохранившиеся в архиве. Гонимые не вызывает сомнения и факт их публикации. Но где и в какой форме, этого никто не знает, вернее,

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ПАПИРОСЫ «КЛАД»

Кааурад во всякое время я! Висус дашь да еще премя!

Читаюте, да еще премя! — рассказывайте знакомым — «КЛАД».

Выпущен Детмонский и Моссельпром! Всем и каждому запомнить надо — Премии левет в коробке «КЛАДА».

Премия, выходящие вон из рта. Двое суток ПОШАД — в коробке «КЛАДА».

Восторх — КОРОВА, посправляя здоровье! Выиграй и кушай мясо корове!

В-третьих — кристаллам (знаем характер) В пакче «КЛАДА» — настасиной ТРАНТОР!

В-четвертых — дачи. Вер в удачу, Купил «КЛАДА» — и выиграл дачу.

В-пятых — ВЕЛОСИПЕД. Ди и после обеда Гоняй, не сходя с «килдросов» велосипеда.

В-шестых — ОБСТАНОВКА. Домседди, поминте «Я» — купим «Клад» — остандана в комнате.

КРЕСТЬЯНИНЫ и ГРАЖДАННИ. Кто кому надо — Все найдете на дне «КЛАДА»:

Гриномоси, сервис, серебряные часини,

не помнил. Самостоятельно, в виде отдельных брошюр они издали не были, в московских газетках лет их не обнаруживали. Трудно было предположить, что они могли появиться на рынках палатках, подобно большинству аналогичных работ поэта, уже отныне почти был бы объект. Студии и то обстоятельство, что сохранившиеся «Папиросы» — «Письмо «Кладу», по которому он опубликованы в сборнике стихотворений Маяковского, содержали лишь 80 строк. Однако из счетов поэта в Моссельпроме было известно, что в стихотворении их было 140. Куда же девались остальные 60 строк?

Все решила случайная находка: в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени И. Я. Лавинского в собраниях рукописей художника А. Лавинского с разнотипными текстами — 80 текстов, о которых он был опубликован в сборнике стихотворений поэта, не содержа таких и сборники стихотворений поэта — «Клад» был издан в августе 1924 года поэту Ю. Фейнбергом, она была выпущена не позднее января 1924 года, хотя в архиве Маяковского было — 6 тысяч экземпляров папирос.

Что же касается рецензированной поэмы — «Всем детям на свете», то он безусловно, будет найдено, но для этого, видимо, еще потребуется время.

Десятки крупных выигрышей, Всего их сотни средних, мелинх тыщи! На 30 000 рублей золотых. Раскроешь папку,

Талон этот не выкидывай вон. Этот талон выигрышный билет. Вылетит беспроигрышный

Пустых нет! Есть крупный выигрыш — про это Население немедленно оповестит газета.

За выигрышем, не мешай беги в яри. В кино Детмонский на Тверском бульваре,

А провинциалам, записались «КЛАДОМ», Выигрыш получи, выслается на дом. Если в пакче нет,

Новую папку купи в Моссельпроме, Накидай, курящий папиросы «КЛАДА».

Весел, доволен, счастлив и рад. Счастливи сам, да еще дети мои.

Помогут Москвинским детям. В пользу Детмонский в Моссотву.

Трубит накидай на свой лад! Раскупал, раскупай папиросы «КЛАДА».

Нет равнодушных

О своих стихах Маяковский говорил, что они отговены и ли смерти и к бессмертной славе, выходя на великую, ради чего они были созданы. Пускай нам общим привычным будет построенный в боях социализма — вот девиз его поэзии. Его стихи стали органической частью нашей социалистической культуры. Они смотрят на нас со страниц газет, пламенуют на плакатах, живут в быту. Мы, читатели театра и кино, благодарим Маяковского, и мы читаем, что нелегко не только автору этих стихов с эстрады, а в зале не будет равнодушных лиц людей «где над хмурым, где над смеющимся».

До людей доходят тонности кованого стиха Маяковского, и поэтому неслучайно возмужавшая брат благодарности. Правда, до сих пор еще «ползают» люди, которые отбросили себя и группу «ионизация», а в этот период вступил в «растворение» чувствуют себя участниками общего поэтического. Для этих неслучайно хорошее исполнение стихов поэта оказывается его открытием, толчком к углубленному

пониманию его творчества. Если Маяковский, его личность и творчество вызывает страстный, творческий интерес, борьбу и споры, то громадное значение приобретает его творчество и творческого пути поэта, осознание тех идей, злителю подготавливаю лучшего поэтического выражения.

Слава и величие Маяковского — это отражение славы и величия революции, назвавшая и жизни, возмужавшей и воспитанной этой колоссальной страной — бесмертия Маяковский, народом, партией.

Назовите мне такого автора, которому не хотелось бы встать с плечах Маяковского. Танкинг и муг. У С. Ютвенцева есть чудесная ироническая «Баню» и может быть, можно записать, что ирония «Клопа» могла бы быть одной интереснейшей в истории и может быть, можно записать, что ирония «Мистерио-Буфф». Киноматография никак нельзя забывать Маяковского. В один из дней его раскрасили будущих фильмов. Выслушайте «Обла на разную» — тот магазин... Умеет говорить наизусть. Очень хочется чтобы Маяковский в кино так, как он живет в сердцах народных.

Горь ПУШКАР, киноактер

Путь наших маленьких встреч

В «СМЕНУ» ПРИШЕЛ МАЯКОВСКИЙ...

Было это летом 1925 года. Теперь в редакции нет никого, кто помнил бы это событие, но как страничка биографии поэта оно не потеряно для истории: спустя пять лет в журнале была опубликована заметка «Маяковский в «Смене»».

Вспоминая тот день, очевидец писал: «Здесь редакционной комнаты распахнулись, и почти наяву голосом косика, в ней появилась фигура Владимира Маяковского».

Возможно, автор редакционной заметки не был и тем, кто вошел, «насадив головной косика», и все же автора нельзя обвинить в неточности. Здесь действительно другой род извержения: не легендарный рост Маяковского, а вечные поэты, стихи которых по-прежнему восторгают.

В истории журнала, издаваемого в своих стенах

многие знаменитых писателей и поэтов, это не просто день, не просто случай. Встреча молодой редакции с Маяковским — значительное событие. Собственная, посвященная поэте история деловой, рабочий характер — он принес стихи, сказал: «По моему, надо дать вашему журналу, для молодежи, но все-таки поглядите».

И прочел их вслух. Мы слышали, как читал Маяковский, но по отзывам современников и некоторым грамматическим пометкам, что это было нехорошо. Самые стихи в его исполнении обрели особую значимость, форма наполнилась для нас новой силой. Мы читали, словно видя перед собой все многотысячную аудиторию журнала».

Стихи с публицистическим, подчеркнуто планетарным названием «Красная зависть» были опубликованы в очередной номере.

Они обращены к молодежи тех лет. Поэт говорит от имени старшего поколения о будущем. Стихи эти, написанные поэтом скорей лет назад, и по сей день сохраняют актуальность, ибо поэт говорит о том, что иногда не уверяет в нашем обществе, о преемственности поколений. Он заводит тем, кто будет жить в вен авиации. Но это гордая зависть. Поэт горд, потому что будущее делается сегодня.

Наша
мизан — в грядущее вальсы,
обвивая — в грядущее вы,
Вы же — грядущее это
расширяете — в двадцат
громном ног.

«Отцы и дети» предстают в этом стихотворении как единое целое, как молодая поросль под большими деревьями, как неразрывные звенья одной цепи. Смена поколений и геномация поэта — естественный процесс обновления жизни; оно поколение живет, преодолевает трудности, борется ради лучшей жизни, последующего. Оно потонуло и вынырнуло на своих плечах все тяготы времени, что знает, ради чего все это:

Мы
сегодня двугривенный потыкай
отгисляем от крох,
от жалованья —
чтобы флот вальцет
заработанным,
вам
за юность этого покалывашныи.

Стихотворение «Красная зависть» впоследствии печаталось в собраниях сочинений поэта. Здесь мы находим фотографическое воспроизведение поэмки

КРАСНАЯ ЗАВИСТЬ

«Сменю» с его первой публикацией. Рисунки, по просьбе Маяковского, сделали художники Денисов, подчеркнуты простотой и средни стилями. Маяковский возмущался, говоря редакционным языком, «апрода восточава». Кстати сказать, во время встречи Маяковского с коллективом редакции он, и охотно говоря об оформлении журнала».

На это время поэта революции с молодежником журналом не обрадовалось — спустя некоторое время на страницах «Сменю» было напечатано стихотворение «Выполняйте будущее». В нем есть строки, ставшие теперь хрестоматийными:

Коммунизм не только
у земли, но повисев в попу.
Он и дома — за столком,
в отношениях в семье, в быту.

Поэты сорон дет прошло с того дня, когда Маяковский пришел в «Смену». Сейчас в редакции никого, кто помнит бы это событие, но как страничка биографии поэта оно не потеряно для истории: спустя пять лет в журнале была опубликована заметка «Маяковский в «Смене»».

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

ПУТЬ ПО ДЪЕМА

Свои лучшие фронтовые стихи Николай Старшинов написал после войны. Ему было всего 17 лет, когда прямо со школьной парты он вступил в строй полка. Кочкался, не успев научиться, голубая юность комсомольского мальчишки. На полу-оборванные первые признания в любви. На полуосторожно замолчали первые стихи. Но много очень много стихов у тайной раб, как он, жестокие сорывовые томы немало дали им вмаван. Одали им покойное и горьковатое чувство исповедного долга, нераздельное от ощущения: внутреннею достоянием. Два им пострадалось со смертью, они научили их не бояться жизни. День Победы пришел торжеством возобновления жизни. И вера в нее стала чертой поколения.

Спустя десять лет после этого дня Николай Старшинов пишет стихи «О юности»:

Пронеслась она престо мгновенье,
Не воротилась, не вринуется, «Посетит».
А была моя юность военной,
Бесполовной была и крутой.

Не сошлась она с номатным бытом
И, оставив родительский быт,
Поселась над небом открытым,
Почувствала в смуту, у костров.

По лесам, по горам, по болотам
Привнесла в бескомнатных ноквах
Двуязычный стоник плутистая
На своих непокорных плечах.

Поднималась она под обстрелом
И, полна разминирован шла.
И, случаясь, над пулями поела,
А иначе она не могла.

Ничего не нету дорожке,
И когда бы вернулась она,
И бы вновь ее так же и прожил —
На дну другая судьба не прожил.

Н. Старшинов, «Лирика», «Советский писатель», 1962.

Из этих двадцати строк, как из хорошей песни, лишнего слова не выкинешь. Большой душевной чистотой оно обладает, чтобы написать «чистые стихи». С четкими отрывками повествования, начавшаяся путь светлым и ясным началу. Короткой мимолетной фронтовой мимолетностью, но она немало оправдывает неслучайность таланта.

Лирическое завещание Старшинова своеобразно было нарочитости. Пронимающая его стихи доброта чужда субъективизму. Но он и не стремился к субъективизму, чтобы рубить свой голос. Вас далеко не всегда признав мужественности. В стихах Старшиновского чувствуется влияние «детишек» поколения, оно не обязательно. Стихотворения «Дворничиха», «Матери», «Твое имя», светлые и светлые, они написаны в ясном регистре, их хочется читать илюдолично. Смысл вложения не определяется силой го-голоса.

Добрый к людям, поэт бесощадно строг и себе. В стихах, созданных уже в пору зрелости, он с требовательной горечью говорит:

И память восстанавливает властно,
Начислота с собой говоря.
И тек, много обидеть ты напрасно.
И тек, много не обидит.

А эря!

Не миновали поэта сердечные горести. Ощупывая живописную свалу любви, способно воскресить смертельно раненного человека («Стихи о любви»), поэт узнал и леденящую горечь ее потери («И сам себе несущая»). Эти стихи — один из лучших в его творчестве.

Хочется сказать еще об одной черте поэзии И. Старшинова — о его мягком и умином юморе. Вот приведу такую довольно необычную, для своего времени, но обещает повести ее в Записки.

...спригашивая за торосом,
Будет ядять, как из черных вод,
Полох дубовый иль липовый носком,
Вылезает моржин на лед.

Вот он иронизирует над незадачными собратями по перу, забывающимися в поисках легкой славы:

Им хоть что и — увидит бы свет,
Бойся — поистия эта стая,
Деревянный велосипед
В странных муках изобретая.

Вот «В акыстале собак» (так и называется это веселое стихотворение) о нем рождаются смешные и дерзкие сопоставления, заставляющие улыбаться и самим смурного читателя. И, следовательно, эта линия творчества Старшинова не приобрела в его стихах такого развития, как хотелось бы. Подлинный юмор — несчастный гость в стихах лирических поэтов, а ведь это именно та черточка улыбки, без которой даже поэзия, по мнению многих, тогда —

Глаз у Старшинова хорошо запоминать облик человека — простое видеть людям доброй воли и ясной цели. Все своей поэзией Николай Старшинов утверждал их торжество. В одном из программных стихотворений он отказывается пить «тяжелую и густую воду» из «мучного ручья». Пусть он будет мучиться любовью, но пить ее не станет «никогда». Но когда ручьи изрылись на поляну, наскоро в пробитый смачечный лужок, тогда — виде, тогда! — он припадет и «преобразенной» воды.

Он в явную юностью прохудила.
И, как январь, изолучаю чиста...
И, как вонючий вешник
Ты, инклюзив, и припад и ней ядливо,
И, как вонючий вешник
Твой уста.

Из чистого родника поэзии черпает свои стихи Николай Старшинов. Он находится сейчас в середине творческого пути. Он держал юности стихи до последних, зрелых, осмысленных жизни и времени, — это путь поэта.

Сергей МАТОВИЧОВ

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ ЗНА

Фотоочерк
В. МИШИНА

...Человек стоял посреди тротуара, высокий, прямой, с густыми кудрями на посаженной голове. Стоял и смотрел на серую мемориальную доску с барельефом Ленина.

Было ясно: он давно готовился прийти сюда. И мне захотелось обязательно познакомиться с ним... Впервые он вошел в дом на московской улице, носящей теперь имя Чехова,

больше сорока лет назад. Не вошел — убежал. Протиснулся к самой сцене сквозь толпу людей в солдатских шинелях, матросских бушлатах, рабочих куртках. Сел в проходе,

прямо на пол, поставив между колен винтовку. Он, делегат III съезда комсомола Митя Хочинский, слушая Ильича. А Ильич говорил, что надо учиться. Сколько в то время было

В НОГУ С ЭПОХОЙ

Беседа с первым секретарем Союза композиторов СССР
Т. Н. ХРЕННИКОВЫМ

«Музыка — народная потребность, — писал Бетховен. Подтверждение словам великого композитора мы находим в истории всех времен и народов. Это так же бесспорно, как и то, что в условиях нашего общества музыка, являясь народной потребностью, приобретает особый смысл. Музыка принадлежит сегодня одно из важнейших мест в эстетическом воспитании строителей коммунистического общества, в частности нашей молодежи, ибо музыка, как ни одно из искусств, рано входит в жизнь каждого человека.

Тому, кто следит за музыкальной жизнью страны, нетрудно было заметить, что в последнее время особое внимание привлекает творчество молодых. Не случайно поэтому только за последний год произошли такие важные события, как смерть творческая молодых композиторов и пленум правления Союза композиторов СССР, посвященный творчеству молодежи. Корреспондент «Смены» обратился к первому секретарю СК СССР Тихону Николаевичу Хренникову с просьбой поделиться с читателями журнала своими мыслями

НИ Я

тапки, как Миша, сменявших
винтовую на учебник! Сотни
Тысячи! Сегодня каждая
позиния означена в
стране, миллионной попой.
Посмотрите на эти снимки.

о задачах, стоящих перед советским музыкальным искусством.

Тихон Николаевич известен не только как популярнейший советский композитор, художник твердых и ясных убеждений, но и как педагог Московской консерватории, человек, который работает в тесном контакте с нашей творческой молодежью.

Вот что рассказал Т. Н. Хренников в беседе с нашим корреспондентом:

— По произведению советской музыки можно изучать историю нашей страны. А это значит, что советские композиторы всегда шли в ногу с эпохой, что надо считать одной из важнейших особенностей советского музыкального искусства. И наш недавний пленум мы посвятили творчеству молодых композиторов для того, чтобы твердо знать: готово ли следующее поколение творцов советской музыки так же высоко держать знамя советского искусства, обладает ли оно всеми теми качествами, которые необходимы, чтобы строить культуру коммунистического общества?

Т. Н. Хренников высоко оценивает значение слуха творчества молодых композиторов и по-

следующего за ним пленума. Смотр продемонстрировал отличную подготовленность творческой молодежи к профессиональной деятельности, рост ее технического мастерства и, что особенно важно, единство идейных позиций.

Борьба за мир, дружба и солидарность трудящихся всего мира, великие преобразования, происходившие в нашей стране, — вот темы, на которых сосредоточен сегодня интерес композиторской молодежи.

Одна из самых ярких фигур — Годун Щедрин. Это сильный, многогранный талант. На его счету симфония, фортепьянный концерт, балет «Конек-Горбунчо», камерные и хоровые произведения, песни, музыка к кино и, наконец, удостоенная премии на смотре опера «Не только любовь», поставленная Большим театром Союза ССР. Впервые на оперной сцене звучала частушка, пришедшая в этот жанр интонационные приметы быта колхозной деревни. Щедрин не только смело использует современный русский фольклор, но и мастерски протазарует его в крупных музыкальных формах.

Очень интересен и самобытен ленинградец Андрей Петров. За балет на современную тему «Ве-

рег надежды» и вокальный цикл «Пять веселых песен» ему также присуждена премия. Музыка А. Петрова, по-молодому жизнерадостная, светлая, глубоким корнями связана с музыкой русского народа, с современным музыкальным бытом.

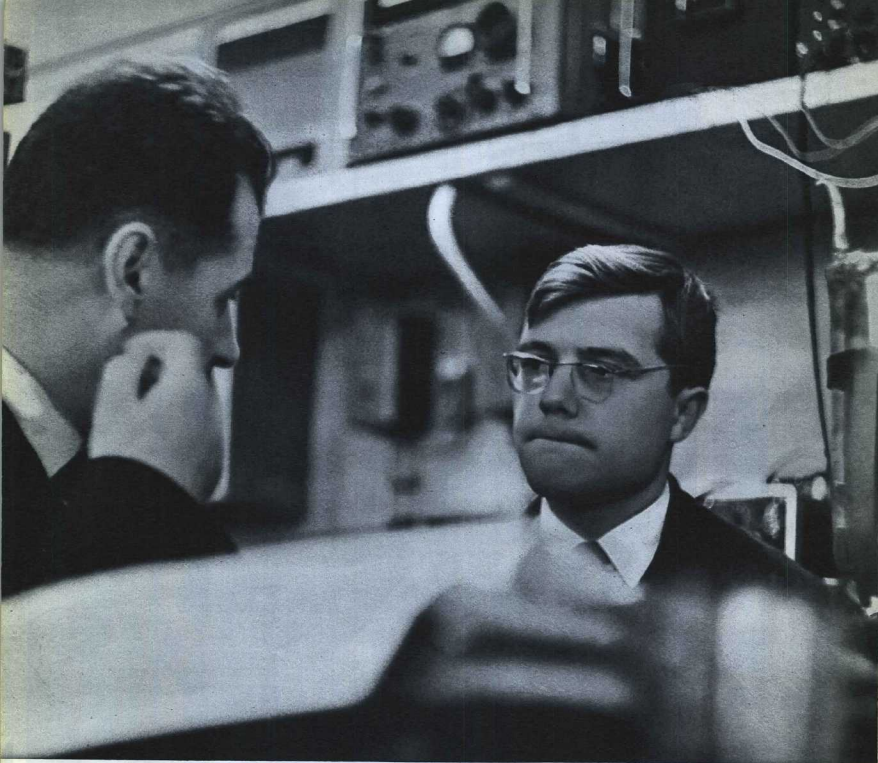
— Как известно, на пленуме много говорили о творчестве ленинградца Б. Тищенко, москвича В. Овчинникова и эстонца Я. Ятаса. Каково Ваше мнение об этих композиторах?

— С трибуны пленума в адрес Бориса Тищенко звучали и похвалы и серьезная критика. Говорили о яркой его одаренности, восхитились пианистической виртуозностью 23-летнего автора, но

вместе с тем отмечали эмоциональную скованность, слабость живых связей его музыки.

То же самое я могу сказать и о концерте для струнного оркестра Яана Ятаса. Произведение это интересное, свежее, однако в нем заметно эмоциональное однообразие, некоторая сухость музыки.

Первая симфония Вячеслава Овчинникова — произведение очень интересное по замыслу, хотя и не совсем зрелое. Любители музыки знают Ов-

чинникова как автора ряда камерных и симфонических произведений, музыки к фильмам «Иваново детство», «Каток и скрипка», «Мальчик и голубь». Сейчас он пишет музыку и фильму «Война и мир». Творческие возможности Овчинникова огромны. Природой ему многое дано, и распоряжаться этим богатством, направить свой талант в нужное русло должен он сам.

Когда композитор создает произведение на современную тему, он стремится прежде всего правдиво отобразить черты нашего современника, его дела и думы, строй его мысли и чувств. Глубоким содержанием пронизаны оратория Арво Пярта «Поступь мира» и кантата Яна Кожи «Песнь о партии, вокальный цикл Аветя Тертеряна «Горизонт». Здесь разные темы, различные дарования композиторов, их творческой почерк, различна национальная почва, питающая творческую мысль авторов, но одно у них общее — смелые поиски нового в тематике, в форме, в средствах выразительности. В этих произведениях есть творческое горение, стремление серьезно, по-современному осмыслить все, что происходит в мире, чем живут сердца наших современников.

Об удачах говорить приятно, но есть и недостатки, о которых нельзя умолчать.

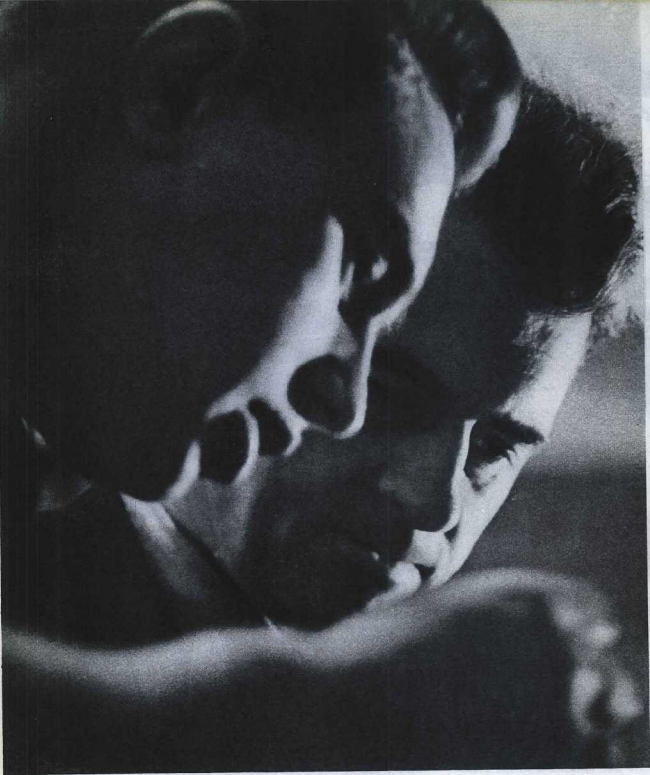
Нельзя забывать критические замечания, сделанные Н. С. Хрущевым в адрес советских композиторов. Наше музыкальное искусство находится на переднем крае идеологической борьбы. Молодые композиторы призваны быть в этой борьбе верными помощниками партии. Именно поэтому нельзя закрывать глаза на то, что не всегда они достигаются в духе критического отношения к модным на Западе музыкальным течениям, не всегда получают должную, справедливую оценку свои произведения. Некий дух либерализма проник в нашу композиторскую организацию, он мешал нам принципиально оценивать те или иные явления нашей музыкальной жизни.

Большинство молодых советских композиторов трудится в самых главных направлениях — в опере, балете, симфонии. Но, работая в этих важнейших жанрах, композиторская молодежь недостаточно еще удовлетворяет внимания популярной в народе музыки — эстраде, песне, танцу. А ведь знакомство с музыкальным искусством очень часто начинается

именно с легкой, бытовой музыки, с нее и начинает формироваться эстетический вкус человека. Что же предлагают ему пропагандисты легкого жанра?

— В конце прошлого года состоялся пленум Союза композиторов РСФСР, посвященный проблемам легкой музыки. Впервые за много лет мы впервые заговорили о жанрах, которые прежде не часто привлекали внимание композиторов. И не случайно на пленуме выявились нездоровые тенденции, например, попытка свести огромное разнообразие жанров и форм легкой музыки только к джазу. В нашем быту развились множество «джаз-ансамблей», копирующих часто низкопробные, не заслуживающие внимания жанры образцы.

Современная музыка дает нам такое богатство и разнообразие форм, оркестровых и ансамблевых исполнительских составов для творчества и музицирования в жанре легкой музыки, что не воспользоваться этим богатством было бы непорочно для тех музыкантов, которые посвящают свою жизнь этому популярному, демократическому жанру музыкального искусства.

Учится на вечернем отделении физико-математического факультета педагогического института Наташа Кукленко. И уже сегодня свои знания она отдаст ребятам из 78-й московской школы, где преподает физику.

Учится в аспирантуре Леонид Синий. Самое название диссертационной темы говорит о ее сложности: «Исследования нелинейности в периодических средах ультраулучшевыми методами». Но не замыслился Леонид в рамки чистой науки. Уже сейчас знакомыми, которые напомним, он щедро делится со студентами. И среди них Наташа Кукленко.

Учится и старший научный сотрудник Богдан Алексеевич Балинский, наставник Леонида Синева. Учится у Саши Горюшова, за обыкновенного рабочего паренка. Чему учится? А тому, как сделать наиболее простым, наиболее легкоисполнимым изобретенный им прибор.

И круговорот ученил! От каждого — каждому. Все — своей Родине. Таких деятелей, овладевающих знаниями в нашей стране, где учатся 67 637 тысяч ее граждан!

И не случайно с завистью говорят о поставке дела образования в СССР американцы. Еще бы! Мы ежегодно выпускаем в три раза больше инженеров, чем крупнейшая империалистическая страна.

Империалисты завидуют. Люди доброй воли смотрят на нашу страну с надеждой. Молодежь за рубежом мечтает: вот бы получить образование! И двери наших учебных заведений распахиваются для тысяч юношей и девушек из разных стран. Они приобретают знания в первом государстве трудящихся для того, чтобы нести знания своим соотечественникам.

Но если уж заниматься джазом, то надо ни заниматься так, чтобы вносить в него что-то новое, своеобразное, а не перепевать чужое.

Меня поражает стремление некоторых музыкантов считать прогрессивным делом своей жизни насаждение и популяризацию у нас американского джаза. Поражает и то, что эти музыканты возмущаются, когда наша общественность критикует такие явления.

Мы не против джаза, но к джазовой музыке нужно применять те же эстетические нормы, те же требования, которые мы предъявляем ко всем жанрам советского музыкального искусства. Эпигонство никогда не считалось доблестью для любого музыканта, тем более для работающего в таком жанре, который претендует на широкое распространение и популярность.

Когда мы, группа советских композиторов, находились в Америке, мы слушали там джазы Д. Армстронга и Б. Гудмана, а также первоклассные импровизационные, так называемые «прогрессивные», джазы. Несмотря на большое техническое мастерство исполнителей, после несколь-

ких пес становилось скучно: там нет музыки, одна стихия ритма.

Механически переносить традиции, практику и приемы американского джаза в наше музыкальное искусство — занятие ненужное, недостойное. Опираясь на эстетические принципы нашего искусства, советские музыканты должны искать свое, новое решение творческих джазовых проблем. Этим исканиям, несомненно, поможет изучение положительного опыта, накопленного нашими старшими музыкантами.

Мы еще слишком мало делаем для укрепления связи молодых композиторов и музыковедов с жизнью народа. Творческая молодежь должна как можно чаще встречаться со своими слушателями на фабриках и заводах, на стройках и шахтах, в колхозах и совхозах. Это необходимо, ибо только так они по-настоящему почувствуют интернациональные дела народа. Только тогда они смогут стать певцами этой жизни.

Сейчас в Московской консерватории творческую практику студентов-композиторов стремятся подчинить задачкам, подсказанным жизнью. Моло-

дые композиторы направляются на практику в кружки самодеятельности, клубы, чтобы там, в гуще людей, питались их творческая фантазия, чтобы там ощутили они дыхание своего народа. Овладевание профессиональными знаниями идет повсюду, музыкальная молодежь неустанно учится. Но это только одна сторона вопроса. Вторая же состоит в том, что каждый советский музыкант ни на минуту не должен забывать, что он гражданин своего социалистического Отечества. Тут и ставит вопрос о человеческой зрелости, о связи с народом, о целях искусства, о его идентичности.

Многое сделано, но немало предстоит еще сделать нашей творческой молодежи, чтобы стать вровень со временем, чтобы занять достойное место в строю борцов за коммунизм. Наши задачи с предельной остротой сформулированы в словах И. С. Хрущева: «Нужны также талантливые, яркие книги, которыми люди занимались бы, нужны также фильмы, которыми люди смотрели бы с удовольствием, нужна такая музыка, которую слушать было бы наслаждением. Под этим девизом проходит пленум ЦК КПСС. Под этим девизом должна всячески-есть наша работа.

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА

МАЛЕНЬКАЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в №№ 11 и 12

4

Прошло несколько дней.

Юрий Вересов снова занял свое место у пульта управления. Экипаж его звездолета составляли те же три человека.

Но на этот раз «Литова» был не один. Вместе с ним вылетали еще два корабля.

Начиналась вторая экспедиция, с той же целью, но с другими методами, наделенными в тиши кабинетов.

Спутники вели себя спокойно все эти дни. Ближайший из них «использовался», как только «Литова» прекратил погоню и взял курс к Земле. Виток за витком по своим спиральным орбитам оба разведчика незаметно кружились возле Земли, наредка меняя скорости в соответствии с расстоянием и законами физики и еще реже — по собственной инициативе.

Локационные установки следили за ними без всякого труда. Сигналы на экранах были странно слабы, но не пропадали. Наблюдения велись круглые сутки.

По просьбе Института космонавтики один из звездолетов, возвращающийся на Землю с Венеры, подлетел близко к более далекому спутнику, чтобы проверить, как он поведет себя. Разведчик номер два подпустил корабль почти вплотную и так же, как и первый, ушел от него, увеличив скорость.

Оба спутника вели себя совершенно одинаково.

Сопоставление результатов этого опыта с тем, что наблюдалось во время первой экспедиции «Титова», привело к появлению новой теории, почти противозолотной первой. Синицын и Стоун независимо друг от друга пришли к выводу, что спутниками управляют не живые разумные существа: приборы-автоматы реагируют на приближение посторонней массы и дают сигнал двигателям, которые также автоматически включаются, направляя спутник вперед или назад, причем направление это случайное. Никакой разумности в действиях спутников нет.

— Точно так же, — заметил Стоун, — эти приборы реагируют на приближение спутников к Земле или Луне. Этим можно объяснить спиральность орбит. И вполне естественно, что они чувствуют массу Земли или Луны на значительно большем расстоянии, чем массу «Литова».

Теклой взгляд как будто объяснял все. Но был один факт, который давал основания сомневаться в правдивости всей гипотезы. Это был сигнал радиолокатора, замеченный Синицыным при втором подходе «Литова» к спутнику. Правда, сигнал этот был единственным и ни разу больше не повторился. И если бы не являлся самопущущего прибора, несом-

ненно доказывающая, что сигнал действительно был, Синицына могли бы заподозрить в ошибке.

На очередном заседании научного совета Муратов внес конкретное предложение.

— Мы имеем, — сказал он, — два исходных пункта для дальнейших действий. Первый — спутники ощущают приближение к ним посторонней массы, причем чувствительность установленных на них приборов невелика. Второй — наличие радиолокатора. Оба эти обстоятельства можно использовать для получения информации. Как? Это я сейчас скажу. Начну со второго пункта. Если спутники предупреждают друг друга об опасности, то они должны будут делать это вторично, когда мы снова приблизимся к одному из них. Я обращаю ваше особое внимание на то, что сигнал пеленгатора появился только при втором подходе «Литова», а не при первом, что было бы более логично. Почему же это так случилось? Разве мог кибернетический автомат прозвонять первое наше приближение? Я вижу одно объяснение этого более чем странного факта. Так могло произойти только тогда, когда этот сигнал был послан не со спутника, а извне. Я предлагаю раз и навсегда устоянчить, откуда пришел сигнал. Сделать это можно с помощью пеленгации. Разумеется, имея дело с передатчиком, расположенным в пространстве, нам недостаточно обычных двух линий, нужны три. Значит, надо послать три корабля, которые зафиксировали бы один и тот же сигнал. Кстати, единственная линия, которую мы уже имеем, по моим расчетам, не проходила через точку, где в то момент находился второй спутник. Теперь перейдем к первому исходному пункту. Мы убедились, что спутники подпускают звездолет очень близко к себе и только тогда уходят от него. Повторю еще раз: это доказывает небольшую чувствительность их приборов. Так не будем же беспокоить на такой крупной массе, как звездолет. Подойдем к спутнику на безопасное расстояние, а остальные поручим ящдам, одемам в скафандрах. Можно предположить, что эти приборы не почувствуют приближения такой малой массы, как человек.

— Какую роль вы предназначаете этим людям? — спросил Метьюз.

— Обследовать спутник, выяснить, из чего он сделан, почему движим, и, наконец, попытаться проникнуть внутрь.

— Вы считаете, что такая попытка может удалиться?

— Не очень верю в это.

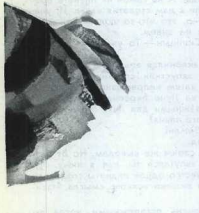
— И вы думаете, что приближение к спутнику вплотную безопасно?

— Вот уж на это, — Муратов пожал плечами, — ничего не могу ответить. Очень возможно, что опасно. Если мне доверят, я попытаюсь это сделать.

— Вы сами?

— Ну, конечно. Я не стал бы предлагать то, к чему не готов сам.

— Из того, что вы нам сказали, можно сделать вывод: ликало вы уверены, что спутниками управляют разумные существа, — сказал Синицын, который на официальном заседании в присутствии многочисленных ученых и корреспондентов не свел возможным обратиться к своему другу на «ты». — Тогда чем вы объясните, что спутник, которого мы преследовали на «Литова», менял направление полета столь беспорядочным образом? Почему он сразу не ушел от нас на большое расстояние? Ведь мы убедились, что он может летать быстрее «Литова». Зачем он ожидал нашего приближения и только тогда уйдти? Разве это не более

похоже на реакцию бездумного механизма. Если мы вывели дело с разумным существом, получается что-то вроде игры во кошки-мышки.

— Я мог бы ответить на это тем, что различные существа, управляющие спутниками, имеют способность к взаимному существованию. Тогда кажущаяся неразумность действий — простая маскировка. Но я отвечаю иначе. На спутнике установлен прибор, который выводит двигатель при приближении посторонней массы. Вперед или назад — безразлично. К нему приближаются, он уходит. Но ведь приближаться могли и сами зловещие спутники. Вот здесь, по-моему, и таится причина странного факта, что сигнал поступил только при нашем втором подходе. Это был приказ — продолжать звездолет «Козлова», сигнала бы не было и спутник остался бы на месте. Ну, а все остальное объясняется по-вашему: реакция бездумного механизма, — усмехнулся я, едва заметкой качонкой Муратов.

После непродолжительной дискуссии, касавшейся преимущественно технических деталей, оба предложения Муратова были приняты.

Когда обсуждался вопрос, какие именно приборы и аппараты для пеленгации в столь необычных условиях надо установить на трех кораблях, сама собой повисла еще одна идея. Никто даже не заметил, кому первому пришла она в голову, настолько идея была проста и естественна. Поскольку длина волны, на которой был передан сигнал спутнику, задана, а частота и нет основной думать, что эту волну мог заменить при втором или третьем случае, то нельзя ли помешать передаче и этим заставить на спутник «не услышать» ее, остаться на месте? Техническое осуществление раз-

диопомехи не представляло собой никакой трудности.

Итак — поднятие Стоун в конце заседания, — наш план сводится к следующему. Окружаем спутник тремя кораблями, «Китов» так же, как и первый раз, будет приближаться к нему до тех пор, пока не появится сигнал. После того, как пеленгация будет осуществлена, послышатся робота-разведчика, и, если его приближение к спутнику пройдет благополучно, вслед за ним отправится двое людей. Если же спутник уйдет и в этом случае, делаем перерыв на несколько дней и в третий экспедиции применяем радиопомеху. В крайнем случае, если все усилия окажутся бесплодными, уничтожаем оба спутника.

5

Все повторилось в точности.

Когда Вересов так же медленно и осторожно, как и в первый раз, подал «Китова» близко к невидимому спутнику, стрелка гравитометра показала движение вправо, показывая присутствие его массы. Как и накануне, еще медленнее, чем раньше, было необходимо выдерживать равномерную скорость, которую потом, при обработке данных пеленгации, придется учесть, чтобы не ошибиться на десятки километров. Ведь источник передачи мог оказаться очень и очень далеко. Малейшая неточность, и три линии-направления сойдутся совсем не там, где находится передатчик.

На кораблях экспедиции были установлены очень точные аппараты. Даже если передача идет с расстояния орбиты Марса, то и в этом случае нужное место будет определено в пределах не более кубического километра.

Стоун, Синицын и Муратов не спускали глаз со шкал гравитометра и пеленгатора, расположенных на пульте управления близко друг к другу. И все три одновременно заметили должданный сигнал.

Есть! — воскликнул Стоун. Муратов облебенчно надохнул. Дагодже верна! Сигнал пришел в тот же самый момент, как в прошлый раз. И сразу же спутник затормозил и отстал. Опять-таки как в прошлый раз.

— Их действия однообразны, это плюс в нашу пользу, — заметил Стоун.

Теперь, когда первая цель экспедиции была достигнута, не нужно было соблюдать «тишину». Заработало радио. Со вспомогательных звездолетов сообщили, что и у них сигнал был принят и зафиксирован.

— Возвращайтесь на Землю! — приказал Стоун. — А мы приступим ко второму пункту нашего плана.

— Желаете удачи! — ответили оттуда.

«Китов» уменьшил скорость, поджидая оставший спутник, и вскоре оба снова летели рядом.

— Держитесь на пределе показаний гравитометра, — сказал Стоун. — Чтобы стрелка не стояла на нуле, и только.

Вересов молча кивнул.

— А достаточно ли этого будет? — спросил Синицын. — Найдет ли робот свою цель?

— Найдет, — уверенно ответил Стоун. — Никаких других масс в этом направлении нет.

Двигатели «Китова» смолкли. Теперь оба тела двигались по иррегулярной орбите с одинаковой скоростью. Но спутник мог в любую минуту изменить направление своего полета, медлить или улететь.

На обзорном экране появился силуэт робота — удлиненная сигара с короткими отростками шупалец. Позади нее тянулся длинный шлейф белого пламени.

Никто не ожидал, секунд робот висел в пространстве рядом со звездолетом, словно не зная, куда ему направиться. Потом начал отдаляться все быстрее и быстрее.

— Почувал! — сказал Вересов. — А он не удержит о паразитизм спутника! — спросил Муратов, незначительно с устремом космических роботов.

— Нет, он затормозит у самой цели. Белое пламя дло превратилось в точку.

— Далеко! — заметил Стоун. Голубоватым цветом вспыхнул экран на пульте, заработала телевизионная камера робота.

И Муратов снова увидел то, что мелькнуло перед его глазами в окуляре телескопа несколько дней назад, во время первой экспедиции.

Неясное темное пятно закрыло блестящую россыпь звезд. Призрачный контур огромного язда (видимо, робот находился совсем рядом со спутником), точно черной провал в бездну космоса, колебался, дрожал, вибрировал. По экрану часто-часто мелькали полосы, временами покрывавшие весь экран сплошной сеткой.

Но характерного треска помех не было слышно.

— Спутник мешает телевизионной передаче, — сказал Стоун. — Но как и чем?

И вдруг... нестерпимо яркое белое пламя вспыхнуло на том месте, где только что выдвигался крошечный точка отсюда из дюз робота. Ослепительный свет с обзорного экрана залил всю рубку управления «Китова», люди невольно закрыли лица руками, боясь ослепнуть.

— «Китов!»! «Китов!»! Что случилось?.. Что случилось?.. Ответьте!.. — звал из динамика трагический голос с Земли.

Вспыхивала была так сильна, что ее увидели в блеске дня на безоблачном небе.

— Еще не знаем, — машинально ответила Стоун, осторожно раскрывая Пожого, перед которыми кружились разноцветные пятна. — Звездолет цел.

— Спутник на месте! — Значит один робот.

После чудовищного света помещение казалось погруженным во мрак. Они ничего не видели — ни пульт, ни друг друга. Только яркие плафоны на потолке смутно различались, как желтые пятна.

— Не открывайте глаз, товарищи, — посоветовал Стоун. — Дайте им отды.

Но сам он не последовал своему же совету. Непрерывное желание узнать, что же случилось с роботом, заставляло его напряженно всматриваться в то место, где находился экран телевизора.

Через несколько минут зрение восстановилось почти полностью.

— Им было на волосок от слепоты, — сказал Синицын. Экран погас — это означало, что телекамера робота не работала.

— Хорошо, что послышался вперед робота, и не человека, — сказал Стоун. — Видно, к этому спутнику нельзя приближаться. Придется его уничтожить.

Стоун вторично нажал кнопку управления роботом. Если он цел, то должен вернуться к кораблю.

Но робот не вернулся. И никакими приборами не удалось обнаружить его присутствие. Работы-разведчик исчезла бесследно.

— Идем на посадку, — решил Стоун. — И попробуем осуществить третий вариант нашего плана, — прибавил Синицын.

— Да, конечно. Но потребует тщательная подготовка.

Третья экспедиция не состоялась в намеченный день. Она вообще не могла больше состояться.

Спутник исчезли.

Сначала было замечено их удаление от Земли. Впервые достигнув своей собственной орбиты, они изменили скорость. Сначала развращивались все шире и шире. И настал момент, когда и без того слабый сигнал на экранах локаторов окончательно погас.

«Что послужило причиной их ухода? Являлся ли это следствием охоты за спутниками земных звездолетов или выполнялся ранее намеченная программа?

Была высказана догадка, что спутники не все время вращались вокруг Земли, а делали это периодически. Это можно было объяснить, что они не были обнаружены гораздо раньше. А может быть, они удалялись на свою базу для зарядки энергией.

— Как бы то ни было, но разделение чужого мира временно, а возможно, и навсегда покинул небо Земля.

— Но если из творчества тайны казались следы, то было уже поздно. В руках людей находилась ниточка, которая должна была привести к самому центру тайны спутника.

Этой ниточкой были результаты пеленгации. На этот раз разум Земли восторжествовал над разумом неизвестного мира.

Обработка записей пеленгаторных установок трех кораблей оказалась точный адрес, откуда поступил радиосигнал или куда он был направлен со спутника, что тоже было возможно.

Луна — район кратера Тихо.

— Вот где находилась загадочная «архорадиотель» разведчиков! Вот откуда получали они приказы своих союзников или куда направляли сами полученную информацию.

Исследование известного спутника Земли проводилось уже давно и с большими успехами — с огромными пространными дикой луной и поверхностью людей была еще плохо знакома. Но как раз район кратера Тихо был хорошо изучен. Именно там размещалась одна из лунных баз, строилась стартовая площадка для звездолетов, помещалась астрономическая обсерватория. Этот район был обжитым.

Получалось, что долгие годы люди Земли жили и работали в непосредственной близости к установкам, привезенным с другой планеты, по соседству с базой, построенной другим человечеством. Жили и даже не подозревали, что стоит только «проткнуть руку», и откроются замки тайны чужого мира.

— Почему же это так? Да с тех пор не попались на глаза! Скорее всего потому, что они находились под лунной покровой, спрячанные в глубине горного массива кратера. Это вполне соответствовало «стилю» тех, кто послал к Земле обих разведчиков. Они сделали все, чтобы люди не могли обнаружить их послеправ, естественно, что и свою базу они тщательно скрыли.

— Но раз местонахождение этой базы стало известно, найти ее было вопросом времени.

И совсем уже неожиданно мир облетела еще одна сенсационная новость.

— Слыть пророчили по всей Земле имена двух скромных рядовых ученых, которые один раз уже заставили всех говорить о себе.

Синцину и Муратову пришла в голову простая как будто, но оказавшаяся очень ценной мысль — проверить, куда же ведет спираль, по которой удалились от Земли оба спутника-разведчика!

Результат вычислений привел к сенсации. Если спутники не изменили своей траектории, если они продолжали удаляться по одной и той же спирали, то на их пути оказывалась Луна!

— Больше того, спиральная линия полета обих спутников упиралась в кратер Тихо!

Значит, спутники не удалились из солнечной системы, не ушли туда, откуда их прислали, но на неизвестную родину. Они просто вернулись на свою базу. И на этот раз теперь именно там.

Оставшись на Луну не замеченными малочисленной колонией людей, составившая персонал научной станции кратера Тихо, было совсем не трудно, поскольку оба тела были невидимы глазу.

Значит, если удастся найти базу, то в руки людей попадет не только «архорадиотель» центра, но и оба спутника, завладевшие потерянными навсегда.

— Это заставило торопиться еще больше. Счастливым случаем нельзя было упустить. В любую минуту спутники могли снова отправиться в полет волею Земли, где, как уже убедились люди, «достать» их будет куда труднее.

Если гипотеза периодического появления спутников возле Земли верна, то они могли провести на своей базе очень долгое время, а если они отправлялись туда только для зарядки, то это время могло оказаться совсем значительным.

Ученые обрадовались, получив неожиданную и заманчивую возможность «поймать» спутники, но эта же самая возможность внесла и дополнительные трудности в подготовку экспедиции. Судьба робота-разведчика — спутника грозным предостережением. Ее нельзя было забывать. В полете ни на базе спутники могли одинаково зацарапаться! На попыток приблизиться к ним.

В самом срочном порядке на заводах кибернетических машин конструировались и создавались специальные роботы, способные выдержать такую нагрузку. Изготавливались защитные костюмы для людей.

— Вся Земля участвовала в подготовке экспедиции, которая обещала стать самой знаменательной в истории человечества. Ведь дело шло о ПЕРВОМ соприкосновении с иным разумом!

— Значит, ты твердо решил не участвовать? — спросил Синцину.

— Не вижу, какую пользу я могу принести в экспедиции? — ответил Муратов.

— Твою же, как и все остальные, я, например. А разве на «Гитовез» ты не что-нибудь особенное?

— Вот именно, что нет.

— Мы с тобой тесно связаны с этой тайной? — пытался переубедить друга Синцину. — Мы нашли спутники, мы вычислили их орбиту, мы, наконец, раскинули загадку их ухода. Вполне естественно, что именно мы и должны принять участие до конца.

— Неубедительно. Одно дело — вычисления, это моя область, и совсем другое — поиски. Здесь нужны не математики.

— Значит, ты хочешь, чтобы я отправился на Луну без тебя? Но ведь это — опасное дело. Экспедиция на «Гитовез» — Синцину публики в ход последний изобрет — там мы можем найти твоих «коллегов», разве тебе не интересно их увидеть?

— Ужюж, как все другие люди. Вы привезете их на Землю. Если они затоят, конечно, — прибавил Муратов. Он сидел в кресле, устремив за-

дучинный взгляд в потолок. — Значит, Сережа, я что-то перестал верить в их пребывание на Луне. Что им там делать? Без воздуха, без воды, без — равномерные в недра лунной горы! И так годками.

— Вот именно, почему! Сам этого не знаю. Мне казалось... Да и теперь все еще кажется, — вырвалось у него. — Никто не мог предать себя, что информация, которую собирали спутники, передавалась в соседнюю планетную систему. Такое исповиском расстояний! Зачем это? Кто-то хотел бы так истинно защищая эту гипотезу?

— Вот именно, почему! Сам этого не знаю. Мне казалось... Да и теперь все еще кажется, — вырвалось у него. — Никто не мог предать себя, что информация, которую собирали спутники, передавалась в соседнюю планетную систему. Такое исповиском расстояний! Зачем это? Кто-то хотел бы так истинно защищая эту гипотезу? — ответил Синцину. — Но тогда окончательно бесмысленно их обращение вокруг Земли целым век, а может быть, и больше.

— Что значит век? Это для нас век — целая жизнь. А с точки зрения истории человечества это не так уж много. Вы, астрономы, не знаете одной планетной системы, на которой могла бы возникнуть разумная жизнь. Так ведь? Значит, дозволяя спутников облетать очень далеко. Путь от них к нам, может быть, требует года. А на самой их планете проходит век. Вот и рассуждай. Они прилетали к нам столетия назад. И, улетая отсюда, Земля — значит, что-то. Вероятно, это — то, что должно ожидать их вторичного прилета. Зачем? Это мы не знаем.

— Противоречив сам себе, — сказал Синцину. — То уверен в их присутствии возле Земли, то «столетия назад».

— Если и ты и другое? — Муратов наклонился вперед и пристально посмотрел в глаза другу. — А если они запустили спутники во время своего прилета к нам столетия назад, а затем непрерывно, поминутно, непрерывно наблюдают за ними, сменяя на Луне персонал своей базы? Разве не могут эти спутники быть очень важными для них? Может быть, это задание — посылать, тщательно продуманного плана?

— Направленного против человечества Земли!

— Видишь! Сам сделал логический вывод.

— Ты мастер подводить собеседника к своим же выводам. Но от этого — они не становятся истинной. Ох, Вита, запутался ты, как я вижу. Ну, попробуй еще раз доказать, чтобы человечеством одной планеты создавало заговоры против человечества другой? Это лишено всякого смысла. Извини меня, но ты несешь чушь.

— Пусть так. Но советую вам быть очень осторожными, когда вы найдете эту базу.

— Значит, окончательно... — Да. Я не полечу с вами. Мне предложили принять участие в более интересном деле.

— Если не секрет, в каком? — Какой же секрет? Ты слышал о провита Жана Легеря?

— Это полет по солнечной системе на астероиде! — На Гермесе.

— И ты хочешь лететь на нем? — Да, до этого полета еще далеко. Легерье предлагает изменить орбиту Гермеса, чтобы астероид пролетал всю солнечную систему от Меркурия до Плутона. И тогда, опустив на место большой звездолет, можно без всякой затраты энергии облететь все планеты.

— При чем же здесь ты, не астроном! — Нужно так рассчитать будущую орбиту, чтобы она прошла возле каждого планеты во время одного и того же рейса. Это очень сложная задача. И еще сложнее заставить Гермеса перейти на эту орбиту с помощью реактивных сил. Вот тут-то и я могу помочь Легеря — как инженер и как математик. А лететь с ним я не собираюсь.

— Живало удачлив! — По тону друга Муратов понял, что он обжиг и огорчен. — Значит, Синцину Гермесом, раз это более интересно для тебя.

— Чужды ты, Сережа! Ну зачем я вам нужен? — Да нисколько не нужен. — Синцину изобразил на лице полное недоумение. — Просто я хотел закончить это дело вместе. А в экспедиции — и не надо! Иди на Земле. Это спокойнее и... безопаснее.

— Муратов нахмурился.

— Актер из тебя, Сережа, как из меня балерина. Брось! Я тоже гордchen, но право же, не могу терять время. И скажу тебе по секрету, мне не понравилось летать в космос. Не по мне это занятие.

— Да и не надо! Иди на Земле. Это спокойнее и... безопаснее.

— Муратов нахмурился.

— Это уже зло и несправедливо, Сережа.

— Ну ладно, просты! Я, конечно, этого не думаю. Что же подделываешь, раз ты такой умный! А вот я, хотя и не являюсь особой пользы, но никак не смогу отстать. Эти спутники занимают все мои мысли.

— Понимаю тебе. Когда вы вылетаете?

— После завтра.

— Так скоро!

— Подготовка закончена.

— Тогда повторно твою слова, но с другим чувством: желаю удачи!

Понски ваяны и все его предельны. За шесть месяцев удачными экспедициями с помощью все более мощных технических средств (одни за другими с Землей было отправлено пять звездолетов с оборудованием) обследована лунная поверхность в радиусе пятисот километров от центра кратера.

— Все было напрасно! Если база действительно существовала, то была замаскирована исключительно тщательно...

— Ты поминишь мое слово, что я не поделюсь с вами потому, что не хотел терять время! — спросил Муратов.

— Помню, Ты хочешь сказать...

— Вот именно. Ты был абсолютно уверен, что вы не найдете этой базы. Иначе и обязательно отправился бы с вами.

— Но почему ты был так уверен?

— Потому что меры предосторожности, примененные к спутникам, убедили меня в том, что их хозяева имеют очень серьезные причины скрывать от людей Земли свои намерения.

6

Прощай два года.

Спутники-разведчики больше не появлялись возле Земли. Но можно было предполагать, что они сменили систему своей защиты и стали невидимы не только для визуальных, как раньше, но и для радиолокационных. Если это действительно произошло, то в любом случае в течение нескольких лет Землю с большой осторожностью. Развивать скорость разрешалось только за орбитой Луны.

Понски таинственной базы не прекращались, но по-прежнему были безрезультатными. И постепенно появились и окрепло убеждение, что никакой базы на Луне и, может быть, не только на Луне, не было.

Спутник, рассуждая сторонники этого мнения, не укрывшись в районе кратера Титов, а ушли совсем, быть может, за пределы солнечной системы. Встретив на своем спиральном пути Луну, они обошли ее и повели дальше. Сигнал, записанный тремя радиоприемниками, можно объяснить как излучением с самого спутника, но с явным никаким смыслом и не являвшимся радиопередачей. Ультракороткие волны мог испускать неведомый двигатель разведчика, никто ведь не знает его конструкции и принципа работы. И совершенно случайно в линии пеленгации сошлись у кратера Титов, что это они могли сойтись, и в любом другом месте. А то, что эти линии сошлись в той же точке, где, по вычислениям Муратова и Синицына, закончились траектории обих спутников... что же бы было и не такие случайности!

Спастительное слово «совпадение» действительно успокаивало. Большинство населения земного шара перестало думать о спутниках. Эпоха была бурной. Особо оживленной от вояков пут мировая мысль штурфовала тайны природы с невиданной настойчивостью и энергией.

Ошеломляющие открытия следовали одно за другим, как из горы изобилия. Власть человека над природой, после изгнания ее из грота, достигла небывалых высот. Работники космической станции стали забывать и не забывали о разведках чужого мира. Нераскрытая тайна продолжала угрожающе висеть над безопасностью межпланетных путей. Случай со звездолетом «Земля—Марс» в конце прошлого века тревожил руководителей служб космоса. Нельзя было успокаивать себя тем, что спутники улетают от Земли к звездам. В 8 раз раз один из них не уклонился, а столкнулся со звездолетом. Это могло повториться в любой момент.

Если раньше обходились локационными установками, чтобы своевременно заметить встречный метеорит, то теперь обязательной принадлежностью штурманского рубок звездолетов стали гномометры. Ведь какую бы защиту ни применяли хозяева разведчиков, их массу невозможно было уничтожить или сделать невидимой.

Работы в космосе шли своим порядком, но космонавты постепенно ощущали столь неожиданно возникшее неудобство. Рассматривать путь было несостоятельно несложным, но ученые не видели путей и зтупку.

Находятся ли еще спутники в солнечной системе или нет?

Этот основной вопрос оставался без ответа.

Персоналы научных станций Луны, и в особенности станция кратера Титов, непрерывно работали за призрачными пространствами. Круглосуточно велась радиовата. Если спутники все-таки укрывались на лунной поверхности, то рано или поздно они должны были снова отправиться в полет вокруг Земли. А это скорей всего могло произойти после получения ими соответствующего сигнала. Этот сигнал надо было перехватить во то, что ты им ставишь.

Но время шло, а все было спокойно. Ни сами спутники, ни радиосигналы, адресованные им или идущие от них, не появлялись.

Члены научного совета Института космонавтики придерживались мнения, что причина отсутствия радиосигналов от спутников, это, конечно же, случайно совпавший по времени с экспедицией на Титовые. Такие перемены, несомненно, были и раньше. Периодическое появление спутников возле Земли хорошо объясняло странную фант, что они не были обнаружены гораздо раньше.

Но какова действительность таков перемены? Этого никто не мог знать. Предстояло, возможно, долгие годы принимать меры против неизвестной, а может быть, и несуществующей опасности.

Стремительно развивающаяся техника представляла все новые и новые возможности для поисков. Их немедленно использовала, но все было тщетно. По-прежнему недра кольцевого кратера Титов и соседних с ним кратеров казались не тронутыми никогда и никем.

Но, несмотря на систематические научные, убеждение, что база все же существует, крепко держалась среди ученых. Недостаточно проверены были вычисления Муратова. Случайно не произошло ли что-то в космосе, что траектории обих спутников по мере приближения их к Луне сблизались, а возле точки пространства, где в то момент находился кратер Титов, СОШИСЬ!

Этого никак не могло быть, если бы спутники обогнали Луну и ушли дальше.

Поверить в подобное случайное совпадение мог кто угодно, но не математик, не астроном, не физик.

И поиски, настойчивые и упорные, продолжались.

Виктор Муратов знал обо всем этом только из радиус бесед с Синицыным и радиосигналов, которые получались в захватывающей его работе и оба эти года не занимались ничем другим. Математический расчет проекта Жана Легерье был трудоемким делом. Мысли о спутниках и их тайнах приходили к нему изредка, после разговоров с Сергеем. Своим гипотезе о пребывании на Луне живых представителей много человечества Виктор Муратов всегда отдал предпочтение. Синицкому много сообщенной горючо против нее, а Муратов никогда не был упрям.

Проект Легерье уже перестал быть «проектом». Он был одобрен и вступил в фазу практической реализации. Расчеты показали его осуществимость и целесообразность. Затраты на него, необходимые для осуществления проекта Гермола, были во много раз меньшими, чем потребовалось бы для такого же путешествия по солнечной системе на звездолете, не говоря уже о том, что производить астрономические наблюдения с астродромом можно было в значительно большем объеме, чем с корабля. На Гермесе несколько расположено целая обсерватория.

Через несколько месяцев Гермес, сравнительно небольшой астероид полутора километров в диаметре, должен был в очередной раз прийти возле Земли на расстоянии всего пятисот семидесяти трех тысяч километров, и этот момент решено было использовать, чтобы начать невидимое исследование.

По плану Легерье, принятому Институтом космонавтики, на астероид должен был спуститься специально предназначенный для астрономических работ искусственный спутник Земли, построенный и выведенный на орбиту двадцать лет назад. Этот спутник во многих отношениях уже устарел, но для целей Легерье подходил как нельзя лучше. На нем было все что надо, чтобы исследовать в течение небольшого переоборудования, чтобы группа астрономов могла без лишней заботы не вечно аномальный полет.

К этой работе уже приступили. Нельзя было терять время. Именно сейчас планеты солнечной системы находились в очень удобном положении и новая орбита Гермеса пройдет возле каждой из них за время одного оборота. Следующего такого расположения пришлось бы ожидать длительное время.

Одновременно с космической обсерваторией на Гермесе отправится эскадрилья мощных звездолетов со всеми необходимыми установками для исследования пространства со старой орбиты на новую.

Так как именно Муратов пронзая все расчеты, ему и было предложено взять на себя руководство этой работой, ответственную и требующую исключительной точности.

Предложение было почетным, и Виктор не счел себя вправе отказаться.

— Против воли я становлюсь космонавтом,—пошутил он, встретившись с Синицыным,—И в этот значительный день твоей жизни.

— При чем здесь я? — удивился Сергей.

— Ты же при чем! Ты же впервые выйдешь меня в космос. Если бы не мое участие в экспедиции на Титовые, я не был бы так «заменим» и никому не пришлось бы в голову поручать мне расчеты для Легерье.

Синицын рассмеялся.

— Тяжело мне,—сказал он,—я охотно возьму на себя. Надолго ты улетайшь с планеты?

— Нет, недели на две. Закончив работу, наша эскадрилья вернется на Гермес. Можно было бы вернуться и скорей, но придется подождать на астероиде несколько суток, чтобы убедиться в том, что траектория полета действительно изменена правильно.

Рискованная экспедиция,—задумчиво сказала Синицын,—я говорю, конечно, не о тебе, а о Легерье и его спутнике. На таком длительном пути много встретится случайностей, которые невозможно предусмотреть заранее. Столь близкое приближение к Юпитеру, Сатурну и другим гигантским планетам.

— Ты не веришь моему расчету?

— А ты сам совершенно в них уверен?

— Я — да. Опасен не Юпитер, не Сатурн. Опасны, да, и то теоретически, астероиды между ними. Ты же впервые выйдешь меня в космос. Если бы сейчас они все оказались астрономом. А влияния тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не могу учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и Виктор Муратов. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономом. А влияния тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не могу учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и Виктор Муратов. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономом. А влияния тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не могу учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и Виктор Муратов. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономом. А влияния тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не могу учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и Виктор Муратов. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономом. А влияния тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не могу учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и Виктор Муратов. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономом. А влияния тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не могу учесть при расчетах.

— Вот видишь!

(Продолжение следует).

Во времена Жюль Верна гигантский «Грейт Истерн» представлял читателям пятирублем чудом техники. Двигатель мощностью в одиннадцать тысяч лошадиных сил мог проложить маршрут фантастической скоростью — тринадцать часов!

Мы говорим о «Грейт Истерне» для того, чтобы напомнить: кругосветное путешествие жемчужинки гари, для семидесяти дней было в два раза быстрее фантастики!

Шло время. Один из потомков Жюль Верна проделал кругосветное путешествие за семнадцать — нет, не дней — часов! И то была не фантастика. Многие газетчики отметили это событие. А советские москвичи обставили нашу платину немногим больше чем за семидесять минут!

Такова хронология побед человека над пространством: семнадцать дней, семидесять часов, семидесять минут!

Однако, отдавая должное огромным скоростям, достигнутым в воздушном океане и за его пределами, приходится все-таки признать, что наземный и водный транспорт движется пока недостаточно быстро. Имеются ли здесь возможности ускорить передвижение людей? Давайте посмотрим.

Поезд над городом

Проектов монорельсовых дорог было много. Один осуществлялся, другое так и остался бумагой, в ментал их создателей. Проекты подвешенный к рельсам вагон тащили лошади, в других вместо лошадей трудились пары быков, а электрической монорельсовой дороги. Они появились в 1902 году в Японии. Автор его — И. В. Романов. Но обстоятельства сложились так, что диплом на изобретение первой электрической монорельсовой дороги был выдан не Романову. Спусти 18 лет, в 1920 году — в бурные и очень темные для молодой Советской республики дни — инженер К. С. Лопатин предложил небывалый проект подвесной электрической монорельсовой дороги. Имя Лопатина и было вписано в диплом на изобретение под номером 2873.

Этот проект можно было бы назвать фантастикой, если бы он не был основан на строгих инженерных расчетах. Принцип его таков: вместо привычного рельса Лопатин использовал широкую стальную полосу, поставленную на ребро. Эта полоса как бы пронизывает огромную индукционную катушку-соленоид, которая устанавливается на крыше вагона. Стоят в катушке возникнуть электрическому току, как стальная полоса, этот бесконечный металлический сердечник, повиная неизлечимому закону физики, начинает «втягиваться» на себя огромную катушку вместе с вагоном. Поезд приходит в движение.

Где же могут пригодиться воздушные поезда? На так называемых «уникальных» линиях, то есть

там, где легко обойтись без промученных останков, где ожидания набранную скорость можно поддерживать в течение более или менее солидного отрезка времени.

Первая монорельсовая дорога свяжет столицы поезда во Владивостоке. Траекс сажает аэропорт с одной из станций метро.

Существуют два типа монорельсовых дорог: навесные и подвесные. Общее — это эстакада и рельсы, а различие — в принципе движения: если вагоны поезда сидят «вершиной» на монорельсе, такую дорогу называют навесной. Если ходовая часть — система колес вагонов — движется внутри полой путевой балки, а сама вагон подвешен снизу, конструкция именуется подвесной.

Какую же дорогу будут строить в Москве? Для нашей средней полосы с дождевой осенью и зимней стужей гораздо выгоднее строить подвесную дорогу. Это потому, что снег и дожди не смогут проникать к металлическим частям путевой балки, а ведь сверху она закрыта бетоном! Есть у подвесной дороги и еще одно преимущество: балка, по которой движется поезд, весит приблизительно в два раза меньше, чем балка навесной. А раз так, то опоры, поддерживающие «воздушный» рельс, можно сделать более легкими. Тонкие, изящные колонны — опоры московской дороги — будут расставлены на расстоянии тридцати метров друг от друга. Значительные пролеты! Длина же всей линии составит около двадцати пяти километров.

Это будет самая большая в мире монорельсовая трасса. Правда, специалисты уже обсуждают возможность строительства еще более длинной трассы — от Сочи до Адлера.

В поезде, спроектированном советскими инженерами, будет установлено четыре мощных электрических двигателя. Скорость, которую они смогут сообщать воздушному вагону, будет достигать до 150 километров в час. Путь от Москвы до Владивостока им промчит за 10—15 минут! Сравните-ка с часовой тряской в автобусе!

Рождение «бегущей»

Попробуйте представить улицу современного города с автомобилями без колес! Без колес не могут обойтись даже самолеты! Но, увы! Колесо имеет массу преимуществ перед колесом все свои. Некоторые специалисты считают: хотеть ездить быстро и безопасно — отказаться от колес!

Но что же тогда придет вместо колес, кото-

рое бесценно занимает свое место вот уже несколько тысячелетий?

Если опрорунуть корыто и смонтировать в его дно достаточно мощный двигатель с винтом, то под корытом, когда винт придет в движение, образуется зона повышенного давления. Струя плотного воздуха — своеобразный воздушный столб — как бы упрется в корыто и приподнимет его над поверхностью. Корыто повиснет в воздухе, опираясь на воздушную прослойку — подушку. Такой способ образования воздушной подушки инженеры называют камерным, или полным. Остается поставить на наше корыто двигатель с винтом, как у аэросани, и взлететь на воздушной подушке готово. Двигатель, установленный на корме, будет толкать аппарат вперед по воздушной эскалере.

В своей работе «Сопротивление воздуха и скорый поезд» К. Э. Циолковский впервые высказал научное предположение о возможности создания аппарата на воздушной подушке. Конечно, в то время этот проект был лишь дерзкой мечтой, тогда ведь не было легких, но прочных сплавов, не было компактных, но мощных двигателей. «Фантастический» проект ждали несколько часов. И нас этот настал. Будет хроника первых, еще нетвердых шагов бесколесных машин.

1934—1950 годы. Группой инженеров под руководством профессора В. Левкова конструируются и строятся несколько опытных машин на воздушной подушке.

1954 год. Инженер Г. Туркин построил модель вертолета на воздушной подушке. Два вентилятора, которые установил на машине изобретатель, по двум трубам направляли гнанный воздух. Машина поднялась в воздух!

1955 год. Успешные испытания проводит большая модель с мотопилотным двигателем. Конструкторы убеждаются в большой перспективе, которая открывается перед совершенно новым видом наземного транспорта.

Мы назвали «наземный транспорт». Нельзя ли сказать несколько точнее — «автомобиль», например? А может, это не автомобиль, а судно? Хотят с таким же успехом новый аппарат можно назвать и... вертолетом. А может быть, назвать его «воздухопод» (от «воздушной подушки»)?

А теперь отправимся в Ленинград, к авторам первого советского судна-вертолета «Нева». Постойте, но почему же все-таки «судно»?

А дело в том, что по земле и по воздуху мы научились двигаться с весьма значительными скоростями, а вот на воде достигли немногого. Отчего? Объясняется все просто: виновато сопро-

КОМУ ИНТЕРЕСНО

НА ПОДВОДНЫХ
РЫБЬЯХ — В ШТОРМ

Советское изобретение — ступа на подводных рыбаках — стало популярным сейчас во многих странах. Но это вовсе не так, как вы думаете, разработано одной английской фирмой.

Одно из изобретений кривляе новое изобретение устанавливается несколько поздне центра тяжести судна. Оно является настолько. Два других — носовые, при движении судна они оказываются на поверхности воды или в непосредственной близости от нее. Такая конструкция обеспечивает устойчивое положение рыбака при любом состоянии моря.

Намечено строительство пассажирских судов такого типа на девять, сорос и сто двадцать мест. Одно из них предназначается для связи через Ла-Манш.

АКУЛЫ
И ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ

Оказалось, что акулы не выносят желтого цвета! В США был проведен такой эксперимент. В большой бассейн, где плавали акулы, поочередно погружали в воду окраски в разные цвета. Цыплята, окрашенные сначала сразу же бросались и ныряли в надежде поохотиться, и

только ярко-желтый цвет не возбудил у них аппетита. Более того акулы резко отворачивались от него, выныривали из воды, а потом долго не хотели принимать пищу. После нескольких опытов с этим цветом акулы ели.

Это открытие имеет большое значение для спасения людей, терпящих бедствие в индийских Андамских водах тропического пояса. Принято решение организовать дачи спасательных лодок и спасательных поясов в желтый цвет.

Подводный вертолет

Проект такого оригинального аппарата разрабатывается в ФРГ. Как и обычный, подводный вертолет оборудуется двумя торпеда-образными несущими винтами, служащими для подъема и спуска машины, и хвостовым управляющим винтом. В качестве балласта предлагается использовать лед. Это повышает безопасность погружений аппарата.

Полный вертолет предполагается использовать как средство поиска и подъема затонувших кораблей, самолетов, лодок, а также для исследования и подъема затонувших кораблей, самолетов, нефтя и т. д. По расчетам, новый аппарат сможет погружаться на глубину до семи тысяч метров.

БАКТЕРИИ
ПРОТИВ НАСЕКОМЫХ

Работы по использованию так называемых патогенных бактерий и бактерий с целлюлозной борбры с вредителями сельскохозяйственных культур проводит Биологический институт Академии наук Чехословакии. Учеными института исследована бактерия «Вачилла туриниенская». Знакомство с ней осуществляется роковыми для многих вредителей сада, полей и огородов: американской белой бабочки, японского картофельного жука, капустной белячки, испанского шелкопряда и других насекомых.

Разработана технология массового производства «Вачиллы туриниенской».

Скоростью

тивления среды. Как же преодолеть его, как спасти на лет или хотя бы уменьшить? Инженеры искали долго. В результате появились суда на подводных крыльях. И сразу скорость резко возросла: восемьдесят, сто километров в час! Но вот беда: новые скоростные суда, хотя их осадка гораздо меньше, чем у обычных судов, все-таки не могут ходить по мелководным рекам. Рекиные мелины и для них останутся непреодолимой преградой. А ведь мелкие реки могут служить отличными трассами. Это — шоссе, которое не надо строить. И их много, этих голубых дорог. В нашей стране их общая длина превосходит триста тысяч километров!

...Низкое, призмистое тело корабля длиной в семидесять метров и шириной в шесть с половиной было бережно опущено на асфальтовую площадку возле небольшого пирса. В просторном, светлом салоне «Невы», рассчитанном на 38 пассажиров, пусто. Только в застекленной рубке — летчик-испытатель. Мы не оговорились — именно летчик, ведь «Нева» это своеобразный гибрид судна и вертолета! Но вот команда: «Включить двигатели!» Мощный гул моторов — и «Нева», дрогнув, приподнялась над асфальтовой площадкой.

Спустили на воду корабль — в общем-то довольно сложная задача, ну а «Нева» взяла и съехала своим ходом в воду. Это было крещение нашего парвенца на воздушной подушке. Вскоре после этого начались испытания на просторах быстрой «Невы» приinals воды Финского залива. И вот результат: скорость около шестидесяти километров в час! Совсем неплохо для новичка. И это в первый же день испытаний!

Впрочем, именно с первых шагов «загубные по волнам» начинают изумлять нас. Сто двадцать километров в час показала на воде и около шестидесяти на льду «Радуга» — новое пятиместное судно на воздушной подушке, созданное горьковцами. Отличные скоростные качества продемонстрировал самолет «Вихрь» — последнее слово советских инженеров.

Колеса или... ноги?

Пусть вас не удивляет этот заголовок. Вспомним, как легко скачет лошадь по сильно пересеченной местности. Здесь за ней не угнаться ни одной колесной машине! Выходит, ноги не так уж и плохи. Значит, идея заменить колеса ногам только на первый взгляд может показаться нелепой.

Впрочем, далеко не все считают эту идею нелепой: сейчас ученые нескольких стран работают над созданием шагающих машин.

Зачем они нужны? Не рано ли отправляют колеса «на пенсию»? Нет, колеса нам еще послужат — на хороших дорогах, на гладких шоссе. А вот на труднопроходной местности, на глубоких снегах и сыпучих песках шагающие машины будут очень полезны. И не только на земле.

...Подняв мириады пылинки, ракета опустилась на лунный грунт. Сперва земля, и на почве нашей космической соседки высадилось странное существо. Некоторое время оно лежало неподвижно, потом вдруг зашевелилось, появились тонкие членистые ножки, развернулась антенна локатора. Еще несколько минут — и машина сделала свои первые шаги там, где и ступала нога человека. Еще немного времени — и скрипела она за грудами камней.

Проблительно так представляет себя американские умельцы своего маршевого лунного исследователя-робота. Не будем гадать, так или не так будет выглядеть лунный исследователь. В одном мы уверены: на борту первого из них будет горелка для анал завед.

Чем же привлекли механические ноги ученых?

Давайте представим, что нам с вами нужно выбрать для машины для лунного климата. Намем с обычных колесных машин. Их кандидатура сразу отпадает: они громоздки, обладают невысокой проходимостью. А если вы вспомните о резких колебаниях лунной температуры, то сразу станет ясно: резиновые шины таких машин днем будут

плавиться, как воск, а ночью трескаться и разлетаться вдребезги, как первый осенний ледок на лужайке.

Другое дело — гусеничные машины. Они могут преодолевать трещины, подниматься по крутым откосам. У них, пожалуй, с точки зрения лунного шофера, только один недостаток: сам механизм таких танкеток довольно сложен, многие его части находятся снаружи и открыты для опасной пыли.

А вот машины на лапках здесь могут быть очень полезны. Они легко складываются, и их удобно доставить из земной гавани в лунный порт — машинный займут в ракете совсем немного места. Кроме того, они требуют гораздо меньше энергии, чем колесные машины. И уж, конечно, умеют преодолевать гораздо более сложные препятствия.

Итак, первый этап знакомства с шагающими машинами закончен. А сама идея замены колеса уже не представляется абсурдной. Напомним, что еще великий русский механик и математик Пафнутий Львович Чебышев изучал законы шагания и даже разработал и построил первый в мире шагающий механизм. Чебышев называл его стопогодом, или переступающим механизмом.

Голенастые автомобили начинают делать свои первые шаги. Пытаться предсказать их судьбу — все равно, что предсказать судьбу ребенка. Но ведь обязательно приходит время, когда ребенок выплывает из рук спасительный подол матери и шагает уже сам. И чем больше пройдет времени, тем шаги эти делаются увереннее и тверже.

Рисунок О. ВУКОВОЛА

Леонид РЕПИН

РАЗНЫЕ МАССШТАБЫ

* В поединке ирландских шахматистов — средним XIX века американца Пауля Морфи и немецкого мастера Адольфа Андерсона, который состоялся в 1858 году в Париже, за девять дней партнеров успели сыграть одиннадцать партий, из них всего две окончились ничью.

* Историческая схватка за шахматную корону между кубинцем Хосе Раулем Капабланкой и русским гроссмейстером Александром Алексеевичем продолжалась два с половиной месяца. Противники сыграли тридцать четыре партии, из которых двадцать пять завершились ничейным исходом.

* Самые длинные партии истории официальных шахматных состязаний довелось сыграть чешскому гроссмейстеру Олдрику Дурасу. Его партии с Г. Вольфом в 1907 году и с Г. Филдсом в 1911 году со- вершили 115 (I) ходов. Она игралась в шесть приемов и в общей сложности продолжалась 25 (II) часа. Играл Вольф. Увы, не повезло Дурасу и в другой оверрационной партии. На международном турнире в Сан-себастьяне в 1911 году он встретился с Д. Флюссом. Тут в оверрацию свелись 161 ход, и только после этого Дурас вынужден был сдаться.

* Самые короткие партии содержали всего 4(II) хода. В столь колоссальном темпе, например, пробаются Газеуфу — Кембу на турнире на- хичеван в Фолкстоуне в 1933 году, Палад — Капаблара на турнире наций в Лондоне в 1927 году и Лазар — Нимбо на чемпионате Парижа в 1904 году. Последняя партия выглядит очень забавно на шахматной доске: 1. d4 Nf3 2. Kf2 e3 3. de Kf1 4. H3 Kf2 Белые сдались, т. е. они получают мат или тер- ют ферзя.

* Когда знаменитый французский шахматист XVIII ве- ка Филипп Воканне выступил с своим современником на пари, не глядя на доску, противник трех противников, он пригласил присутствовать в качестве наблюдателя писателя и ученых, так как считал, что проигрывает трудно будет поверить, что действи- тельно можно играть омонимично три партии, не глядя на доску. Вот удалился с пар Филиппо рекордер своего времени: несказанно

лет назад венгерский мастер Флиш с отличными результатами дал сеанс одновременной «вслепую» на 52 досках!

СУДЕЙСКИЕ КУРЬЕЗЫ

* На международном турнире в Вудлаште в 1926 году — в партии Шварцман — Коппе белым, сделав короткую рокировку, ошибочно поставил своего короля не на поле f1, как это предусматривалось правилами, а в угол, на поле h1. До самого окончания партии (видеоглаз Шварцман) ошибки оставалась незамеченной. По окончании партии официальный комитет заявление об аннулировании партии было оставлено без последствий.

* В четвертой партии матча Люблинский — Синагин, состоявшегося в Ленинграде в 1939 году. Синагин, игравший черными, в середине партии сделал ферзевый ладей с поля a4 на b4, беря пешку ходя и вернув ее обратно на поле a4. Вскоре Синагин сделал двойной ход, и Коппе, его противник, увлеченные ослепительной игрой, забыли о том, что рокировка была неважна. Игра за- кончилась вничью. Ферзь ладей на следующий день при разборе партии ходя мастером, ныне известный московский шахматист мастер, заметил допущенную ошибку.

* В весьма забавной и редкой в шахматной практике разновидности соревнований случилась промашка на одном из недавних переносов мира в матче Тунис — Португалия. Португальский шахматист Гонзалес, играющий черными, в партии с тунисским мастером Мосгом, попал в безнадзорное положение. Тунисец в испытательный период времени на обучающих занятиях никак не заметил, что может объявить мат в один(II) ход, и дал превратительный два шага. Португалец, полагая, что противники согласны на ничью, поведением «качного шаха», сизал все поведении своим и протянул руку. Тунисец, не владевший немецким языком, подумал, что Гонзалес вынул незначительного типа реплика «отсутствует заведомо и изврядли что с лебедой». Мосгом ответил крепким результатом. После этого партнеры записали результаты партии на официальных бланках. Тунисец поставил себе победу, а Гонзалес, не понимая, что коллега долго обдумывая этот вопрос, никак не заметил и засчитал тунисцу выигрыш.

Чем брелись дикари!

Знакомый столяр, окончивший до войны ФЗО, рассказывал мне, что у них в училище был мастер по прозвищу Ерш. Немолодой, переходивший в ФЗО из какой-то артели, Ерш искренне полагал, что образование рабочему человеку во вред. «Потому как книжки в руках спорочку не развяжут, а даже наоборот».

Ерш был анекдотически темным. Однажды совершенно серьезно выговаривал об ершах, у которого над губой поля юношеский пушок: — Бритый мат! А как же дикари брелись! У них и подаяно брит не было. А они стелхачку найдут! — и побрютоса за милую душу.

Возможно, знакомый столяр и ступил немного крапки, рисуя своего воспитателя. Но в тридцатых годах мастера в ФЗО акне попадались.

Прошло три десятилетия. Далеко вперед шагнул технический прогресс, изменились само понятие «работник». Жизнь потралавила перестроить и систему профессионально-технического образования. Школы ФЗО, училища ремесленные, железнодорожные и другие преобразованы сейчас в специализированные профессионально-технические училища. В их программу вводятся серьезные теоретические дисциплины, необходимые сегодняшнему рабочему. И применяются в эти училища, как правило, ребята, окончившие восьмилетнюю школу.

Но все ли мастера подготовлены к истинно творческой работе в современных профессионально-технических училищах? Нет ли среди них «ершей», полагающих, что книжки в руках спорочку не развяжут и что дикари за отсутствием электробрита съедоблись бутылочными осколками!

Кто же все-таки виноват!

Его звали Иван Жукков. Как чеховского героя.

Не по годам рослый, он хорошо играл в баскетбол, бегал стометровку быстрее всех в классе. А учился плохо: оставался в третьем, а в пятим. Когда стало ясно, что и в седьмом Ваня застрянет, мать отдала его в ремесленно: два года на полном государственном обеспечении — и спе-

циальность в кармане! Плохо ли? «Посудимся», встанте. Ваша фамилия!

— Жуков Иван. — Помедли, он до- бавил: — Андреевич.

Как свидетель на суде выступал мастер — воспитатель, наставник Ива- на Жуккова. Говорил он вяло, устре- мив взгляд в одну точку. Смулся его, глядя на большие руки. Думалось: ну ведь он, должно быть, хороший, а вот воспитатель...

Мы сидим в классной комнате, а той самой, где слушал теоретические дисциплины Иван Жукков. Мастер рассказывал безстрастно, пощипывая желтые свои усы.

— Парень он, говоря откровенно, дрянной. И то: отца в глаза не видел, а о матери умолчу. Прошлым летом связался с проходимцем одним, с Есеевым. Тому уж за тридцать, успев два года отбыть. Сорвали они ночью с чужого гаража замок. Поплыл. Жукков ялялся, будто Есеева сказал, что гараж этот его, пригласил на «Москвиче покататься».

— Позвони!

Мастер кирнул спичкой, но, види- мо, вспомнил, что мы в классе, не закурив.

— На поруки тогда его взяли... Эрал Не оправдал доверия.

— Вы-то вы поверили!

— Верю всякому зверю, а ежу по- тому! — Он потянул усмешку в жел- тые свои усы. Заболел один мой ремесленник. Накрепби ребята руб- ли три. На гостинке. Жукков вызвался в магазин сбегать. Нет, думаю, нена- дежный тип человек, неизвестно, ка- ким фантазом забредет а голову. Как в воду глядел: через два дня и ушел Жукков тот велосипед, за который те- перь...

Я вдруг вспомнил «Андрогиническую поему». Мазарино доверят жору привези деньги для колонии. Доверие делал недавнего вора челове- ка. А сидящий напротив меня вос- питатель не доверил трех рублей парню, которого звали на поруки, за которого, следовательно, румчась...

— У вас образование какое!

Мастер насторожился, что ли? Шесть классов. А что? Не из-за моего обра- зования, а из-за своей дурости Жук- ков попал. В училище это за год де- вятий случай. И меня свидетельств, не обвиняемых на суд вызывали.

Да, его вызывали только свиде- телем, хотя и есть в юридической прак-

РИСУНОК
И. НЕДВАЙЛО

тике такой термин: «Преступная бездеятельность». Конечно, виноват прежде всего сам Жуков, но ребята, должны отвечать за свои поступки. Но только ли он виноват?

В школьной характеристике, которую дали Жукову при переводе в ремесленное училище, написано: «Нуждаем в постоянном педагогическом контроле». Каждого педагога это исторжало бы, заставило задуматься: как быстрее и глубже научить характер воспитанника, понять, какой он, что любит и что ненавидит, чем дышит? Педагог должен быть не формально взять Жукова на поруки, а если уж случилось такое, принять под умный и несобластный контроль, стать ему чужим и строгим отцом, таким, каким был для своих воспитанников А. С. Макаренко.

Ничего этого не сделал наставник Иван Жуков: не был он, на беду педагогом. И отсюда не оправдание, что Жуков не первый, что только за один год девять воспитанников училища стали клиентами прокуратуры. Не оправдание это, а обвинение. Тяжкое обвинение в педагогической беспомощности. Да и о какой педагогике может идти речь, если из тридцати работников здесь мастеров ни один не имеет даже среднего педагогического образования.

О чем рассказала грамматическая школа

В коридоре второго этажа Ногинского профессионально-технического училища № 28 висят стальные газеты. Маленькие — передовичка и две-три заметки. А ошибок в них! Самые грубые. Спрашиваю, кто помогает ребятам выпускать стальные газеты.

— Вообще попольди. Но это разные газеты, за них мастера отвечают.

Говорят, по анкете не составишь суждение о человеке. Но я все-таки начинаю знакомиться с мастерами по маленьким письменностям — ственным газетам и личным делам — перебираю в канцелярии тощие папки. И из дряк: кое-какое представление о человеке можно составить и по скопированному анкетным данным.

Читаю: Чурилки Иван Павлович. Образование — три класса. Когда-то был истопником, потом перешел на строительство разнорабочим, освоил

специальность каменщика. И вдруг — как гром с ясного неба — приказ о назначении на должность мастера производственного обучения. Почему? На каком основании?

Еще одно личное дело. Александр Иванович Боллоблин, судя по анкете, был малором, продавцом в магазине, стенописником. Образование — восемь классов.

Пока я читал его анкету, Александр Иванович Боллоблин проводил в своей группе воспитательный час на тему «Дорожите рабочей честью». Проводил примерно так.

— Рабочей честью надо, конечно, дорожить, — говорит мастер ребятам. — И учителям своим, мастерам уважать. Вот вы получили сегодня работу. Хорошо получили. А не получили, я не заркой заряды с ухом, получили бы вы. — И воспитатель показал группе комбинацию из трех пальцев. — Чтобы и дальше все шло хорошо, обзавань вы меня благодарить. Не пожалуйте на десертной! Не больше получите, с тембю четиринадцать. Вы список составили?

Так Александр Иванович положил в карман 273 рубля.

Предпринимчивым мастером заинтересовалась прокуратура. И вскоре выяснилось, что он вовсе не Александр Иванович, а Владимир Жовлевич. И не Боллоблин, а Таборов.

Еще в 1948 году, безвиз из заключения, Таборов вырвал анкетку, получил по ней паспорт на имя А. И. Боллоблина. Потом мотался по белу свету, пока не нашел тепленькое местечко в Ногинском училище.

Рецидивист, проходимец в роли воспитателя, учителя молодежи! Как могло случиться такое?

Директор училища говорит с горечью:

— Мастеров строительных специальности никто не готовит. Вот и берем их... с улицы. «Подбираем», так сказать, кардинал...

Аксиома не требует доказательств

Конечно, случай с Боллоблиным чрезвычайный. В системе профессионально-технического образования немало талантливых, опытных мастеров. Ремесленные училища выпустили из одного миллиона высококвалифицированных рабочих. Не Боллоблин же

воспитал их, дали им знания, научили высоко держать рабочую честь!

И все-таки то, что рецидивист Таборов приписался в училище, не может не тревожить. Не может не тревожить, что половина мастеров, работающих в системе профессионально-технического обучения, не имеет среднего образования. Очень плохо с мастерами в строительных училищах, в училищах механизации сельского хозяйства.

Правда, многие мастера уходят — в заводские техникумы, в вечерние школы. Но, предположим, мастер одел алгебру, научился писать без ошибок диктаты. Хватит ли ему это го «бабки»? Иными словами, будет ли решена проблема мастеров, если все они попогоно получат аттестаты зрелости?

В одном из училищ города Иваново работает мастер С. Челевков целенаправленно, начитанный, он окончил индустриальный техникум, хорошо знает производство. В отсталости такого не управляют. Но вот передо мной его рабочий дневник. Раздел «Индивидуальные особенности учащихся» поражает нетронутой безликой страницей. Не сумел мастер увидеть в своих воспитанниках ни одной индивидуальной черточки. И это понятие в индустриальном техникуме ни педагогами, ни психологами не преподают. Не случайно и план воспитательной работы этого мастера состоит из стереотипных, ничего не значащих пунктов: «Провести собрание о задачах на полугодие» (каковы же эти задачи?), «Посещать уроки» (какие? С какой целью?), «Посещать воспитанников на дому» (кого? когда? по какому поводу?). Не может помочь воспитателю такой план...

Ничего думал, что мастер работает в первую очередь с ремеслом, с техникой, — открытвенно говорил мне автор этого плана. — Здесь главное — работа с людьми. И в этом вся трудность: не хватает педагогических знаний.

Не с одним десятком работников профтехобразования мне довелось встретиться, и все они говорят в один голос: «Да, подготовка мастеров не отвечает требованиям жизни. Да, мастеров надо готовить в вузах». Лишь методист из Горького В. Д. Климычева высказалась несколько иначе: — Да уж так высшей. Добиться бы, чтобы все мастера среднее образование имели, и то хорошо.

Нет, среднего образования мастеру мало.

Основная фигура общеобразовательной школы — учитель, а профессионально-технического училища — мастер. Чтобы стать учителем, необходима серьезная профессиональная подготовка в вузе. Почему же с другой меркой подходят к мастеру? Разве воспитание и обучение будущего рабочего менее важной делу? Разве работать с ним легче? Нет, не легче.

В профессионально-технические училища часто присходят мальчишки трудные, педагогически запущенные. Мастер должен сколотить коллектив здоровый, инициативный, научить ребят мастерству, привить рабочую гордость. Такая задача самому Макаренко не показалась бы легкой. И чтобы успешно ее решить, надо не просто хорошо владеть ремеслом, надо еще быть хорошим педагогом.

Знают, кроме педагогов — словесников, химиков, математиков, — нам нужны и педагог-инженер, человек с широким техническим кругозором и серьезными педагогическими знаниями, настоящий организатор учебного и воспитательного процесса в профтехучилищах. Это аксиома. И непонятно, почему они требуют доказательств.

Совершенно необходимо создать индустриально-педагогические институты или открыть специальные факультеты при технических вузах. Пока же в качестве срочной меры организовать специализированную подготовку будущих мастеров на последних курсах этих институтов. Пришло время решить проблему мастеров. Работа, которая сегодня учится мастерству, завтра должна влиться в ряды рабочего класса. Недопустимо, чтобы их воспитателями были люди неподготовленные, случайные. Слишком велик может быть урон.

В. ТРЕТЬЯКОВ

«Мягкие» игрушки — целая сказочная симфония.

нию мира, в котором они живут и который они призваны изменять».

Вот Сергей Ермаков. Он уже известный «игрушечный» конструктор. Создал целый комплект оригинальных и красивых автомашин. Это дипломная работа Ермакова, однако машины уже «выехали» за рамки дипломной работы и осваиваются производством.

Выставка Ермаковым в этом году защищует диплом Сося Минаевич, Нада Демьянова, Людэ Соколова... Всего пятдесят человек. Многие волнуют их. Они скоро расстанутся с училищем, но беспокоятся о нем, просят помочь спасти наш Музей игрушки.

«Музей» создан в 1918 году. В нем собраны игрушки чуть ли не всех стран: русские, английские, японские, итальянские, польские... Есть совершенно уникальные работы известных русских игрушечников и зарубежных мастеров.

Слово «музей» мы недаром взяли в годы войны и в данном случае это понятие весьма «исповное». «Музей» представляет собой несколько комнат, заваленных игрушками и шафами с этикетка-

МАСТЕРА ДЕТСКИХ РАДОСТЕЙ

Фото В. ТЮККЕЛЯ

И за толстой ели неотрывно смотрит на нас бесстрашными глазами огромный, мохнатый медведь... Неуклюжей походкой, взмахивая крыльями, толкает по снегу белогрудый пингвин... Грется на солнце зеленая лягушка... И вдруг невеста отбежала выбегает и нам веселый, забавный Буратино... Слово и добрый волшебник нам попадает каждый, кто заходит в небольшой дом в подмосковном городе Загорске, где помещается художественно-промышленное училище игрушки. В нынешнем году оно отмечает свое тридцатилетие. Директор училища

В. П. Пряхин водит нас по демонстрационному залу. Чего здесь только нет! И звери, и герои сказок, и модели машин. Они «мигнут», движутся, выдвигают забавные трюки... Все это создано руками учащихся.

«Неужто когда-нибудь и мы будем делать такие замечательные игрушки?», — загадывая в демонстрационном зале, думают первокурсники Рита Шашмурина, Людэ Крылова, Юра Толпакин. Конечно, будут. Только для этого необходимо учиться почти пять лет.

Много знаний и умения требуется, чтобы создать игрушки. Прежде всего нужно быть неплохим скульптором: ведь у каждой иг-

рушки своя «игрушечная» индивидуальность: характер, поза, выражение. В школе изучают композицию, живопись, овладевают техникой рисунка. И шитье учащимся, и моделировать следит за модами. Ведь кукла должна быть хорошо одетой. Надо знать и материалы, из которых делаются игрушки.

Но самое важное — чтобы будущие мастера никогда не забывали о том, как много значит их труд для маленького человека. Игрушка знакомит его с окружающей миром, развивает фантазию, прививает хороший вкус. Об этом напоминают слова А. М. Горького на стенде: «Игра — путь детей к познани-

ю. Они были первозданно свободны в годы войны и с тех пор «передаются» из организации в организацию, из министерства в министерство. А тем временем запаленные комнаты превращаются в храм редкое и ценнейшее собрание игрушек».

Надоеден день, когда знание и любящие свое дело воспитатели разлучают по предпринятию страны. На смену им придет новое поколение талантливого молодежи. Придет, чтобы непременно росла армия добрых волшебников, мастеров детских радостей.

Г. МАРЧЕНКО

Порой игрушки переносят нас в мир техники.

ТЕИ

Вслед за самым популярным героем...

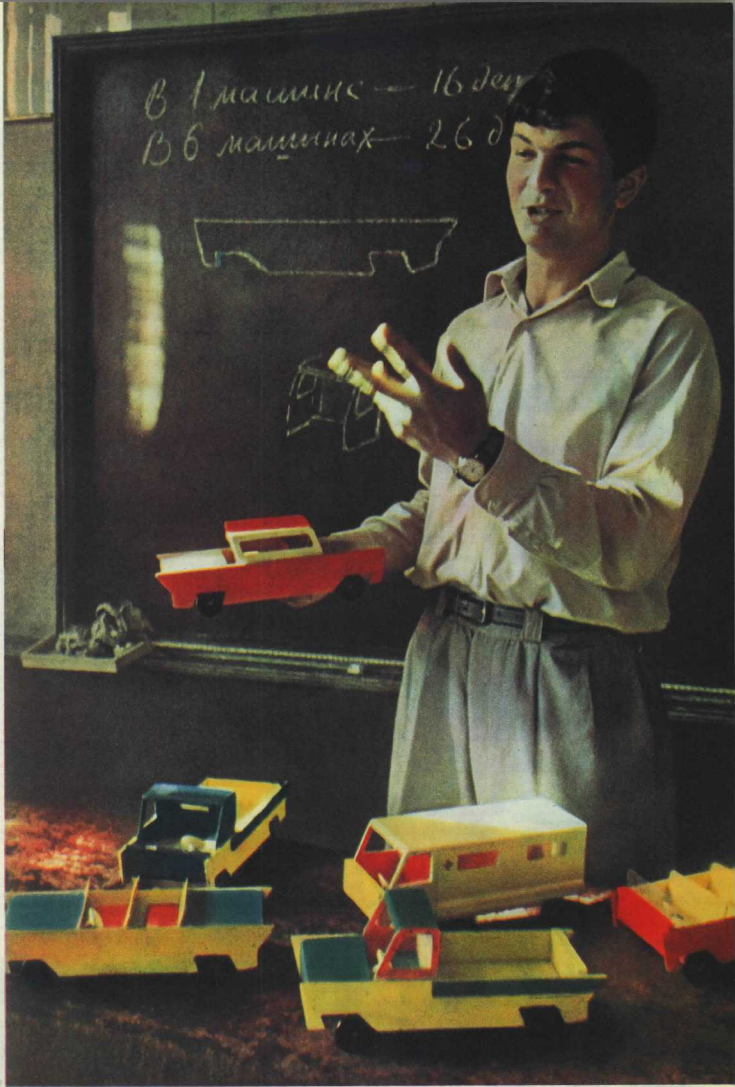

Фото А. БУРДУКОВА

ПЕРЕД ПЯТЫМ РАУНДОМ

Его ждут с нетерпением не только любители легкой атлетики, но и приверженцы других видов спорта. Его ждут миллионы людей повсюду, где любит спорт. Его ждут! И он состоится 20 и 21 июля в Москве — матч легкоатлетических команд СССР и США...

Наконец-то, «любительного» матча СССР — США мы встретились, так сказать, за круглым столом с его «ветеранами» и поговорили их подальше — впечатленными о прошлом этих увлекательных соревнований, высказав мысли об их будущем.

Одним из инициаторов матчей легкоатлетических команд СССР и США является заслуженный тренер Леонида Хоменко. Он помнит, как долго приветствовал матч ревнозно настроенная группа конгрессменов США. Однако совместными усилиями спортивных организаций обеих стран политические барьеры, стоящие на пути и оглашению, были устранены.

— В декабре 1956 года во время XVI Олимпийских игр в Мельбурне прошло совещание на высшем спортивном уровне, — рассказывает Хоменко. — Представители СССР и США договорились наконец о регулярном проведении матчей легкоатлетических команд. Полтора года спустя в нашей столице состоялся первый «матч столетия». Его результаты превзошли надежды самых восторженных приверженцев идеи дружественных контактов спортсменов с различными политическими убеждениями...

Каждому человеку приятно видеть то, что его усилия, затраченные на достижение какой-то цели, не прошли даром. Думаю, что именно такое чувство разделяет со мной и мой коллега Дан Феррис. Когда велся разговор об организации матчей, он был генеральным секретарем любительского атлетического союза США и сделал очень многое в разрешении целого ряда проблем, связанных с матчем. Мы хорошо с ним тогда поработали и стали с тех пор добрыми друзьями...

Олимпийская чемпионка Вера Кривина приняла участие во всех четырех «матчах гигантов». Она была свидетельницей многих волнующих эпизодов. Однако наибольшее впечатление на нее произвела заключительная часть последнего матча в калифорнийском городе Пало-Альто. Вера вспоминает:

— Уже закончились спортивные баталии на дорожке и в секторах, стали известны все победители, но публика не расходилась. Обычно на перерывных зрительских соревнованиях остаются лишь самые ярые болельщики. А тут «полный кворум» на трибунах! И эти трибуны вворачивались бурей оваций, как только на поле вышла колонна советских и американских атлетов. Неожиданно для всех тщательно продуманный ритуал закрытия был нарушен. Шагающие бок о бок соперники, словно створившись, соединили руки в крепком рукопожатии... Восторженный крик буквально хлынул по трибунам, заглушив громадный оркестр. Выли видны лишь десятки тысяч поднятых вверх рук. Вот оно, истинное отношение к нам американского народа! Вот он, апофеоз «матча гигантов!» Это бы-

ли Филлипсе минутами. Я видел, что у многих участников марша появились на глазах слезы радости. Очки и рекорды, победы и поражения — все было пообещано, всем стало ясно, что сейчас же — это дружба спортсменов двух великих народов.

— Да! Все было здорово в Пало-Альто, — соглашается чемпион Европы в декабрьские Василий Кузнецов. — Именно потому, что последний матч прошел прекрасно, нельзя без досады вспомнить то, что было на втором месте, в 1959 году. Тогда советские атлеты впервые ступили на землю США. Мы прибыли в Филадельфию и были очень разочарованы, когда увидели древней стадион Пенсильванского университета. Я на себе испытал, что такое грунтовая дорожка без дренажа на стадионе «Франсли-Филд», когда бежал по ней под проливным дождем... Как день пролетает от ночи, так и стадион «Мемориал» в Пало-Альто разнится от «Франсли-Филда». Стандфордский университет располагает отличным комплексом современных спортивных сооружений. В Пало-Альто был расположен легкоатлетический рай с идеальными условиями для рекордных свершений!

Чемпион XVII Олимпийских игр, чемпион Европы Александр Кореньков мина в беге на 10 тысяч метров Петр Болотников поделился следующими воспоминаниями и мыслями:

Мне посвятившиеся выступили во все четыре матча. Особенно запомнился мне первый день филладельфийского матча. Речь идет о весьма поучительном беге на 10 тысяч метров. Когда дали старт, все шло как положено. Нашли ритм вбега, соперник — сразу. И вдруг в конце дистанции карьеру закончил наш американский друг Роберт Сот неожиданно сделал спурт чуть ли не со спринтерской скоростью. Он немного отстался от остальных. В итоге за ним числятся успехи Хуберт Пярникари. На седьмом километре Хуберт начал «бегежать». Но этот разворот обоим много сил. К тому же стала нестерпимая жара. Только стайер может представить себе в полной мере, что такое изнуряющая жара при большой влажности воздуха. Километра за полтора до финиша Роберт Сот вдруг начал замедлять бег, шататься, а затем вообще потерял всякий контроль над собой. Он стал метаться из стороны в сторону, спотыкаться, но все же судорожно рвался вперед. Было видно, что он теряет равновесие на земле. Зрителям повеселило нас. На трибунах творилось нечто невероятное. Действительно, невозможно было без остановки наблюдать эту драму на беговой дорожке. Вдруг Сот остановился, мгновение постоял, словно в раздумье, и... повернул в обратную сторону. Тут же он упал навзничь. Ведяную унесли в бессознательном состоянии.

С трудом продолжал бег и Хуберт. Голова его была запрокинута, руки болтались как маятник. И все-таки он нашел в себе силы закончить дистанцию. Боб Сот, видимо, являлся целью именно для системы координат и, жертвуя собой, стремился обеспечить победу своему напарнику Трувее. Эта бесцельная затея

не оправдала себя. Чтобы осуществить подобное, мало одного мужества и самоотверженности, необходима еще хорошая тренированность. А в ту пору денежные качества не обильны ни одной стайер США, где, как жеalande, беги на длинные дистанции не пользуются популярностью...

Результатом встречи чемпионы Европы но прыжкам в длину Игорь Тер-Ованесян высказал конструктивные предложения по организации будущих встреч: — В начале года в США находилась группа советских легкоатлетов: Валерий Врумель, Валерий Вулшин и я. Мы выступили в нескольких соревнованиях в закрытом помещении. А заслуженный тренер СССР Гавриил Коробков тем временем вел переговоры с руководителями легкоатлетических организаций США о проведении в будущем матче СССР — США ежегодного, даже в совет Олимпийских игр. Ну, а если так, то неплохо было бы довести программу встреч до полной программы Олимпийских игр, включая и марафонский бег. Наши встречи могут стать генеральными репетициями перед олимпийскими соревнованиями.

Кроме того, я считаю, что нужно допустить к выступлениям в каждом виде соревнований по три спортсмена, а зачет по-прежнему проводить по двум лучшим. Это даст возможность в каждом номере программы исключить возможность влияния случайностей на результаты командной борьбы. Помимо, как я уже говорил, Г. Макс Коски не смог закончить бег на 10 тысяч метров и команда США вышла ввязаною очка. Не застрахованы от подобных ошибок и другие стайеры. А нечего греха таить: боязнь утраты заветных очков порой заставляет инициативу спортсменов в США свести к нулю. «Психолог» ведущие спортсмены будут выступать куда менее, смогут рисковать, а следовательно, и соревнования станут острее. Наконец, старший тренер сборной команды СССР Гавриил Коробков поделился впечатлениями о встречах с руководителями американской легкой атлетики.

— Матч гигантов» в Пало-Альто прошел чудесно, в чем громадная заслуга Пайтона Джерарда, замечательного человека и крупного специалиста легкой атлетики. Немало способствовало успеху всей встречи и старший тренер команды США Джим Диллон, с которым мы долго договаривались по всем вопросам. Стоит отметить, что во время нашего последнего пребывания в США все американские стайеры в отношении нас был весьма дружелюбным. Но мне хочется рассказать о весьма примечательном разговоре с Дугласом Диллоном, состоявшемся четкий тура назад. Тогда он был заместителем государственного секретаря США и принимал нашу команду в Вашингтоне после матча в Филадельфии. В дружеской беседе Диллон пошутил: «Как вы думаете, не лучше ли вместо того, чтобы разрешать между СССР и США разрешить при помощи спортивных встреч?» Поддерживая шутку, я согласился. И сейчас, вспоминая наш разговор, я только доброжелательно улыбаюсь, но рад пригласить вас на советской земле!

ПАМЯТИ ДРУГА

Коллектив «Смены» понес тяжелую утрату. Ушел из жизни способный журналист, ответственный секретарь журнала Станислав Венгуров. Он скончался после внезапной и тяжелой болезни. Свой творческий путь Станислав начал в 1956 году после окончания факультета журналистики МГУ в кубинских областях, работал в аппарате ЦК ВКПСС. В 1959 году Венгуров пришел в «Смену» и возглавил секретариат редакции.

Коммунист, до конца преданный делу партии, он без остатка отдавал журналу жар своего сердца, весь свой талант журналиста и опыт организатора.

Слова автора неслучайно, вразброс, а также, что называется, не покладая рук. Он был требователен к журналистскому слову, всегда требовал простоты, ясности мысли, не терпел штампы, серости. Он был хоршим, добрым, отзывчивым другом. Но всегда и во всем, что касалось дела, наш Станислав оставался до конца принципиальным, он боимся сказать в глаза обидную правду. «Ты можешь лучше», — часто говорил он товарищу, сделавшему непохожий образ. Убеждал работать над материалом еще и еще. И потому особенно дорог был для каждого из нас его совет.

Скромным, трудолюбивым, жизнерадостным был в жизни Станислав Венгуров. Таким он и остается в нашей памяти.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 12

ПОЕЗДКА ПО ГОРОДУ

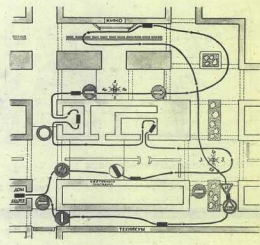
Во время своей поездки Андрей нарушил правила. Первое нарушение — оставил машину около цветочного магазина, хотя, согласно знаку «Остановка запрещена», здесь нельзя даже делать кратковременную остановку. Ему надо было проехать дальше и остановиться под знаком «Конечная остановка» (см. схему).

Второе нарушение — проехать от маятника налево во двор, в разрыв сплошной линии, как сделал Андрей, нельзя. В этом месте можно было лишь развернуться для движения в обратном направлении.

Третье нарушение — у первого светофора водитель должен был остановиться: на красный свет нельзя выезжать на любой перекресток.

Четвертое нарушение он сделал, не затормозив перед знаком «Проезд без остановки запрещен». Этот знак обязывает водителя затормозиться независимо от того, есть ли транспортные средства в поперечном направлении.

Прилагаемой схеме указан правильный маршрут поездки и места остановки, где разрешается стоять машину.

«ПОМНЯТЕ МЕСТАМИ»

Ходить следует так: 2-3, 9-4, 10-7, 3-8, 4-2, 7-5, 6-1, 5-10, 9-1, 1-10, 6-4, 5-3, 10-8, 4-7, 3-2, 8-1, 7-10 — всего 18 ходов.

«ЧЕТЫРЕ АЛМАЗА»

Вот единственное решение этой задачи (см. рисунок).

Л У Б ЮБИТЕЛЕЙ УТКИ

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОВРА...

КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ КОНЫКОВЕЦА.
Рисунок Ю. СОЛИНА

МЕЖДУ ПРОЧИМ...

В начале квартала на заводе была полная штиль. А в конце повисла гроза из настоящих «молиний».

Фабрика детского белья систематически не выполняла план. Директор, видимо, полагал, что большинство родится в сорочках.

«Для того чтобы поргить мне нервы — ждаловался меняй гражданин в писемном виде, — соседка перекрасила свою рыжую кошку в черный цвет, и эта тварь переждит мне дорогу, когда я иду на работу. В результате я уже никуда выждора».

Г. ПАВЛОВ

П. КАРП

МИКРОРАССКАЗЫ

РОДНИК

Каждый шаг давался Роднику с трудом. На пути его вставали то валуны, то пласты глины. А он изо дня в день, из года в год пробивался и пробивался вверх. И наконец замурчал по земле.

Тогда все заговорили:
— Ах, какой он чистый и прозрачный, как легко и свободно он бежит!
И никто не знал, чего стоило это Роднику!

МЯЧ

Футбольный Мяч, летая по полю, думал: «Людей-то людей сколько! Все дела побросали ради меня. Кричат, волнуются... А я ведь все могу. Захочу — в ворота влечу, захочу — и вовсе перестану лететь.»

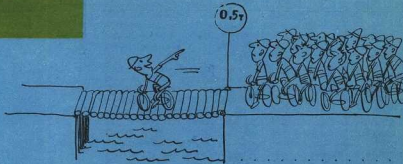
Расширенный подобными мыслями, Мяч лопнул. Но на поле тут же появились другие.

Игра продолжалась.

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ПРЕпятствие.

Рисунки Р. ОБИВЛЯНА

Первая страница обложки: Когда был сделан этот символ, Надя Демьянова еще только изобретала своего ученика. Это была самая ответственная работа студента — диссертация. Сегодня Надя уже техник по производству и художественному оформлению детских игрушек. Фотоархивы: Мастера детских радостей см. на стр. 28—29.

Фото В. ТУННЕЛЯ

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе литературы и искусства — доб. 2-12; отдела и публицистики — доб. 3-52; студенческой молодежи — доб. 4-78; международной молодежи — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-82; оформлений — Е 7-51-32.

Главный редактор В. И. Самсокин.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовская, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Костров, В. А. Кочетов, Е. П. Краевский,

Е. И. Рябчиков, А. Б. Стуков.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудкина

А 00121. Подписано и печати 17/IV 1983 г.

Тиража 1 000 000 экз. Изд. № 1250.

Вязка № 1522. Формат бумаги 70х108/16.

2 сум. л.—5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

ТУРЕШЕСТВЕ НАЧИНАЕТСЯ ОТЗЮДА

Кому с детства не знакомы тури Мершан.

Есть за границей контора Кука. И если вы одолеть скуку И вы захотите увидеть мир...

И дальше про то, как некий мистер Тинстер — бывший министр, мистер Тинстер — миллионер, владелец заводов, газет, пароходов — решил перекантоваться в СССР. Далеко не найдя на Западе по напарню пользоваться услугами фирмы «Томас Кук и сын». И уж, конечно, не знаменитая «контора Кука» помогла тем 66 тысячам молодых туристов из разных стран, которые за последние пять лет повзвали и плавали Черноморским побережьем Кавказа, и роскошные пляжи Крыма, и сказочно красивые берега Севана в Армении, встречались с молодежью Москвы, Ленинграда, Киева и других городов Советского Союза. Не всем помогло Бюро международного молодежного туризма «Спутник».

Созданный в июне 1958 года, «Спутник» установил деловое сотрудничество со 100 различными организациями в 35 странах мира. За это время вместе с иностранными туристами и студентами, представителями всех континентов, в лагерь «Спутника» отдохнуло немало советской молодежи. А более 40 тысяч наших ребят и парней поехали в туристскими группами за границы.

Путешествуя по нашим городам, знакомясь с государственной жизнью советских людей, не один зарубежный гость начинал понимать, в какой тунни заводит его буржуазная пропаганда. И нередко случалось, что даже в группах туристов из США, которых усиленно «накачивают» перед поездкой в СССР, разгорались споры. Так увиденное своими глазами посетителем барьеры клеветы и дезинформации, которые воздвигает буржуазная пропаганда. А острые дружики, интернациональные вечера, спартакиады, национальные концерты, встречи по интересам, дискуссии, карнавалы, совместный труд и другие добрые традиции, сложившиеся в наших молодежных лагерях, позволяют юношам и девушкам разных политических убеждений и цветов кожи отыскать пути к взаимопониманию, и единству.

В конце июля — начале августа прошлого года, когда в Хельсинки проходил VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, посланные пяти континентами, отдыхавшие в лагерь «Спутника» на Черноморском побережье Крыма и Кавказа, устроили свои маленькие «фестивали», которые закончились торжественными «ностремью». В те дни в лагере не затихала музыка, песни, не смолкала речь молодежи. Они своим гостям раскрыли глаза на то, как жи-

вет, трудится и отдыхает наша замечательная молодежь, какие высокие идеалы вдохновляют ее советский народ.

В этом году «Спутник» готов принять из-за границы около 25 тысяч гостей и устроить туристские поездки в другие страны 15 тысячам наших юношей и девушек. В этом сезоне гостями «Спутника» будут, как и прежде, многочисленные группы молодых рабочих, служащих, учителей, студентов из социалистических стран. Им привезут и нам «поезда дружбы».

Обо всем этом рассказал нашему корреспонденту председатель Бюро международного молодежного тури-

ма И. Новокрепцов. Веседа проходила в его кабинете, украшенном картинками вымпелами и национальными сувенирами. Председатель «Спутника» Ульяновский: — Говорит, что цифры значны, что они быстро утомляют. Поэтому каждого, кто прочтет о «Спутнике» и оренч устанет от статистики, лучше идти в лагерь «Спутника» в Латвию, туристский теплоход «Архур» курсирующий по маршруту Москва — Ростов-на-Дону — Москва, а также вступающие вскоре в строй лагеря в Грузии и Азербайджане. И этот увлекательный туристский отдых начнется в нашем Бюро по адресу: Москва, Пролетарская, 10.

К Р О С С С В О Р Д

Составил Э. КОЗЛОВ (Надгневка).

		8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32		
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32			
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32				
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32					
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32						
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32							
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32								
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32									
16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32										
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32											
18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32												
19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32													
20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32														
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32															
22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32																
23	24	25	26	27	28	29	30	31	32																	
24	25	26	27	28	29	30	31	32																		
25	26	27	28	29	30	31	32																			
26	27	28	29	30	31	32																				
27	28	29	30	31	32																					
28	29	30	31	32																						
29	30	31	32																							
30	31	32																								
31	32																									
32																										

По горизонтали: По вертикали:

1. Русский ученый XIX века, математик, андолог.
2. Город на Волге, 3. Однолетнее масличное растение.
4. Периодически повторяющийся источник горчей аром.
5. Гармоническое сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты.
6. Приток Днепра, 7. Промышленный центр Восточной Сибири, 8. Русская метрополитен, 9. Вид мотельного работ.
10. Повесть М. Горького, 11. Единичная температура.
12. Ренка, владеющая в Каспийском море, 30. Ягодный старинник, 31. Памятник поклонение, 32. Свойство элентрического тона вознзат в проводнике под воздействием магнитного поля.
2. Город на Волге, 3. Однолетнее масличное растение.
4. Периодически повторяющийся источник горчей аром.
5. Гармоническое сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты.
6. Приток Днепра, 7. Промышленный центр Восточной Сибири, 8. Русская метрополитен, 9. Вид мотельного работ.
10. Повесть М. Горького, 11. Единичная температура.
12. Ренка, владеющая в Каспийском море, 30. Ягодный старинник, 31. Памятник поклонение, 32. Свойство элентрического тона вознзат в проводнике под воздействием магнитного поля.

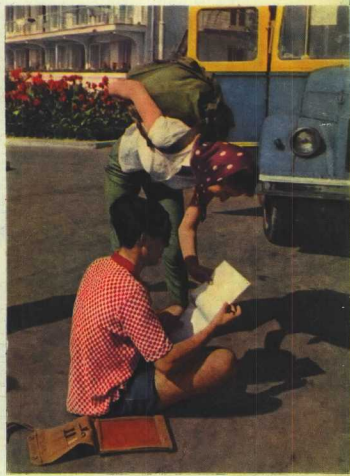
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫ В № 11

- По горизонтали:
4. «Арсенал», 7. «Циолковский», 12. Дреп, 13. Манго, 14. «Земля», 16. Ливан, 18. Болгар, 19. Миссури, 25. Витно, 28. Вильсон, 30. Ойгуз, 31. Уфа, 32. Восточный, 35. Аргунь, 36. Ода, 37. Бен, 38. Томск, 40. Вандай, 41. Автол, 47. Полонез, 50. Сенегал, 51. Лепар, 52. Коттон, 53. Алмер, 54. Шаман, 55. Верстовский, 59. Нинкоро.
- По вертикали:
1. Пес, 2. Пес, 3. Хаус, 5. Виноград, 6. Зиганшин, 8. Кортин, 9. Буксан, 10. Штанг, 11. «Алмаст», 15. Ренка, 17. Арно, 20. Минино, 21. Гималай, 22. Вьетнам, 23. Сюрприз, 24. Кукуруза, 26. Гудок, 27. Хасан, 28. Эльб, 30. Осман, 38. Гроде, 42. Врач, 43. «Золото», 44. Фелдсеет, 45. Германия, 46. «Метель», 48. Берест, 49. Караев, 56. Симф, 57. «Обоз», 58. Слнл.

сссссс

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

Подобно большой пассажирской яхте, белеет на черноморском берегу, неподалеку от Сочи, легкое, зноемное здание «Спутника». И обитатели его тоже больше напоминают моряков, альпинистов или неутомимых путешественников, нежели обычных курортников. Впрочем, купаются, загорают и... обещают они исправно, как взрослые отпускники.

Всех этих парней и девушек сюда влечет Бюро международного молодежного туризма СССР «Спутник». Они приехали из разных стран, чтобы отдохнуть вместе с нашей молодежью: побороть по нашим горам и долинам, осмотреть достопримечательности, сыграть на спортоплощадке.

И «отдохнуть» — здесь не совсем порядочное слово. Разве сразу оно молодости, задору, энергии? Нет, в гости и «Спутнику» приезжают набраться новых сил для того, чтобы укрепить дело мира, дело дружбы всех народов. И разноязычный говор тут не помеха.

Фото В. БЛИОХА

